

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский

(Комедия в четырех действиях)

Действие первое

(Вместо пролога)

Лица

Любовь Ивановна Отрадина, девица благородного происхождения.

Таиса Ильинишна Шелавина, девица, товарка Отрадиной.

Григорий Львович Муров, молодой человек из губернских чиновников.

Аннушка, горничная Отрадиной.

Арина Галчиха, мещанка.

Действие в губернском городе. Комната небогатой квартиры на самом краю города; двери справа и слева во внутренние комнаты, в глубине окно и входная дверь; мебель простая, но приличная, в комнате чисто и уютно.

Явление первое

Отрадина сидит за столом и шьет воротничок. Аннушка подле нее шьет платье.

Аннушка (откусывая нитку). Вот, барышня, и готово. Сами скроили, сами и сшили, не хуже другой портнихи.

Отрадина. Да, разумеется, не хуже.

Аннушка. И какое бесподобное платье вышло.

Отрадина. Ну, уж и бесподобное!.. Нет, вот я вчера к портнихе за выкройкой для воротничка ходила, так видала платье... вот то так уж действительно бесподобное. Таисе Ильинишне подвенечное шьют.

Аннушка. Слышала я, слышала, а платья не видала. Небось дорогое?

Отрадина. Да, дорогое; рублей шестьсот, коли не больше, стоит.

Аннушка. Ай, что вы? Шестьсот?.. Шесть таких бумажек сотельных?

Отрадина. Да ведь белый фый; сколько тут его пошло? Да настоящие брюссельские кружева.

Аннушка. Шесть сотельных! Ай, ай, ай, ай!.. Да на эти деньги можно все приданое сшить; хорошей барышне, благородной можно сделать, а она только одно платье.

Отрадина. Что ж ей не щеголять, коли она так богата!

Аннушка. Все ж бы ей надо хоть немножко постыдиться, не вдруг свое богатство-то показывать.

Отрадина. Что ты за вздор болтаешь!

Аннушка. Да уж очень мудреные дела-то на свете творятся.

Отрадина. Что тут мудреного? Самое обыкновенное дело: деньги ей достались по наследству от богатых родственников.

Аннушка. Да как же это так по наследству, коли у нее, окромя двух теток, и родственников-то нет.

Отрадина. Это ты почем знаешь?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Аннушка. Слухом земля полнится.

Отрадина. Много ведь и пустяков говорят, Аннушка.

Аннушка. Нет, уж чего не было, так говорить не станут. Кому нужно! Бедно ведь жили здесь Таиса-то Ильинишна с своей тетенькой, все их знали, а я так и очень хорошо; время-то недавнее, всего три года. А познакомился тогда с ними богатый барин, старичок, из Сибири приехал, золотых песков там у него, говорят, много, ну, и увез их отсюда... Тетка-то из Москвы сейчас же и вернулась, а Таиса Ильинишна поехали с ним на теплые воды. Там старик-то и помер, да и отказал все свои деньги и все пески золотые Таисе Ильинишне, вот она и разбогатела. Приехала сюда, да теперь шику и задает. Тетка-то у ней теперь как заместо прислуги.

Отрадина. А ты девушка молоденькая, ты не все говори, что слышишь, – стыдно.

Аннушка. Что ж за стыд, коли правда! Стыдно-то не тому, кто говорит, а тому, кто делает.

Отрадина. Все-таки лучше помолчать. Она мне товарка, мы с ней вместе учились. Мы и до сих пор знакомы.

Аннушка. Так разве она вас понимать может, разве она ценит ваше знакомство-то? Вот уж с месяц она к вам и не заглянет.

Отрадина. Ей некогда, она теперь хлопочет, замуж выходит.

Аннушка. Что и замуж-то выходит, вы от портнихи узнали. А еще приятельницей называется! А ей бы прежде всего к вам: так и так, мол, думаю замуж выйти вот за такого-то. Как посоветуешь? Вот как добрые-то люди делают!

Отрадина. А за кого она выходит, ты не слыхала?

Аннушка. Кто говорит, за офицера; а кто за особых поручений.

Отрадина. Каких... особых поручений?

Аннушка. Чиновники такие есть. Вот бы свадьбу-то посмотреть, да венчаться будут, говорят, в имении, пятьдесят верст по железной дороге да там верст двадцать в сторону.

Отрадина. Откуда ты такие сведения получаешь?

Аннушка. Мы скорее вашего всё узнаем. Я от мастериц у портнихи слышала. Кабы дело-то чисто было, так не стала бы венчаться в деревне, точно украдкой.

Отрадина. И все-таки не нужно об ней дурно говорить; такими разговорами можно дело расстроить, помешать.

Аннушка. Помешаешь ей! Да кто ж на ее капитал не польстится, какая бы она ни была. Нет, таким-то всегда счастье; а хорошие барышни жди да пожди. Вот вы скоро ль дождетесь хорошего жениха! Другой бы, может, и взял; вот хоть бы, например, Григорий Львович, да...

Отрадина. Что «да»?

Аннушка. Да приданого нет.

Отрадина. Так ты думаешь, что только за тем и дело стало?

Аннушка. А то за чем же? Нынче народ-то какой? Только денег и ищут; а не хотят того понимать, что коли у вас приданого нет, так вы зато из хорошего роду; образование имеете, всякое дело знаете. А что ваши родители померли, да вам ничего не оставили, так кто ж этому виноват!

Отрадина. Так, так; отлично ты рассуждаешь. А вот погоди, и я разбогатею, так замуж выйду.

Аннушка. А что ж мудреного вам разбогатеть? У вас есть бабушка богатая.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Отрадина. Во-первых, она очень дальняя родня, а во-вторых, у ней прямых наследников много. Да кстати, она писала мне из деревни, что сегодня будет в городе, так заедет ко мне чай пить. Надо кипяченых сливок изготовить, она до смерти любит. Нет, я и так, без бабушек разбогатею.

Аннушка. С уроков-то разбогатеете? Это в нашей стороне-то? Невозможно этому быть.

Отрадина. Да, правда твоя, здесь сторона купеческая, образование не в ходу.

Аннушка. На что им ученье! Они с капиталами при всем своем полном невежестве прожить могут.

Отрадина. А не разбогатею, так, может быть, и без приданого добрый человек возьмет. Как ты думаешь? У меня такой есть на примете.

Аннушка. Дай-то бог! Только ведь и мужчины-то нынче...

Отрадина. А что?

Аннушка. Да сначала очень завлекательны, а потом часто бывают даже и очень обманчивы.

Отрадина. А ты почем знаешь?

Аннушка. Да ведь я живой тоже человек, разве не вижу, что на свете-то делается!.. (Складывает платье.) В шкаф, что ли, повесить?

Отрадина. Оставь тут! Я его еще раз примеряю и спрячу.

Аннушка. Так пойти за свое дело приняться. У нас в кухне-то никого нет, не вошел бы кто.

Отрадина (взглянув в окно). Ты прежде отопри: Григорий Львович идет; а потом уж и ступай за своим делом.

Аннушка отпирает, впускает Мурова и уходит в дверь направо.

Явление второе
Отрадина и Муров.

Отрадина (встречая Мурова). Ах, мой милый, как я рада!..

Муров. Здравствуй, Люба!.. Ты, должно быть, сегодня рано встала; уж и одета, и причесана, точно ждешь кого.

Отрадина. Чему ты удивляешься, я не понимаю; я всегда так встаю. Да ведь ты сам сказал, что придешь ко мне сегодня рано, тебе нужно о чем-то поговорить со мной.

Муров. Ах, да, я и забыл совсем. Да, точно, я ведь говорил тебе.

Отрадина. Да ты что-то и всегда стал рано приходить ко мне, как будто боишься кого.

Муров. Ах, боже мой! Разумеется, боюсь, только не за себя, а за тебя. Очень просто, я не хочу, чтоб про тебя дурно говорили.

Отрадина. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся. Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: «Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас». Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Муров. Уж чего бы лучше, но, к несчастью, мой друг, это пока невозможно.

Отрадина. Как невозможно? Почему? Что ты говоришь? Я не могу этому поверить.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Муров. Маменька не согласится; да и согласится ли она хоть когда-нибудь, я не знаю, а я без ее воли шага шагнуть не смею.

Отрадина. Что же ей нужно?

Муров. Ей нужно, чтоб я женился на девушке богатой и с сильной родней.

Отрадина. Всё это новости для меня; я тебя знаю четыре года, а ты мне ни слова.

Муров. У меня до сих пор и разговора с маменькой об этом не было.

Отрадина. Да как же так? Ты не имел права молчать, ты обязан был говорить обо мне.

Муров. Что ж делать... Виновато во всем мое воспитание; я человек забитый, загнанный. Извини меня – ну, я просто боялся. Но, наконец, мне надоело быть постоянно под опекой. Ты сама посуди. Я совершеннолетний, а не смею ступить шагу без позволения, не смею ничем распорядиться: каждый рубль должен просить у нее.

Отрадина. Ну, ну!..

Муров. Я стал просить ее, чтоб она отделила мне часть имения или дала приличное содержание: тысячи три-четыре в год. Она сказала, что не даст мне ни гроша, пока я не женюсь по ее выбору.

Отрадина. Ну, что же ты, что же ты?

Муров. Ах, не спрашивай меня, пожалуйста! У меня голова кругом идет.

Отрадина. Но ты пойми же, что мне нужно знать наверное твои намерения, твои мысли; иначе мне жить нельзя.

Муров. Мои намерения?

Отрадина. Да, да, твои намерения.

Муров (смущенный). Ну, что же... Ну, ты их знаешь... Могу ли я, в состоянии ли я?.. Моя обязанность...

Отрадина. Ну, да, да! Я надеюсь, что ты твердо знаешь свою обязанность. Мне нельзя сомневаться в тебе; а то пытка ведь это, пытка... Ты должен помнить каждую минуту, что у нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уже понимать начинает. Ласкается ко мне, мамой, мамочкой зовет. А он врозь со мной, он у женщины необразованной, корыстолюбивой... Я измучилась, я ночи не сплю, мне все думается: сыт ли он, покойно ли он спит. Гриша! ты хоть бы поглядел на него, полюбовался. Что это за ангел!

Муров. Ты очень любишь нашего Гришу?

Отрадина (с удивлением). Еще бы. Что это за вопрос? Разумеется, люблю, как только можно любить, как нужно любить матери.

Муров. Да, да... Конечно... А что, Люба, если вдруг этот несчастный ребенок останется без отца?

Отрадина. Как без отца?

Муров. Ах, боже мой! Ведь все может случиться. Я езжу много, могут меня лошади разбить, ну, там... на железной дороге что-нибудь случится.

Отрадина. Да что за разговоры, помилуй! Что ты меня мучить пришел сегодня, что ли?

Муров. Ах, Люба, всегда надо предполагать худшее, чтоб быть готовым. Ну, вот я и думаю: что ты будешь делать с Гришей, если меня с вами не будет?

Отрадина. Ах, отстань, пожалуйста! Пожалей мои нервы!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Муров. Ох, нервы, нервы! Вот то-то и горе наше, что у вас нервы очень слабы.

Отрадина. Если ты спрашиваешь серьезно, так я тебе отвечу. Ты не беспокойся: он нужды знать не будет. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все, что ему нужно. Разве я могу допустить, чтоб он был голоден или не одет? Нет, у него будут и книжки и игрушки, да, игрушки, дорогие игрушки. Чтобы все, что у других детей, то и у него. Чем же он хуже? Чем он виноват? Ну, а не в силах буду работать, захвораю там, что ли... ну что ж, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню. (Плачет.)

Муров. Ах, Люба, что ты, что ты!

Отрадина. Да ведь ты сам спрашиваешь, ты сам хочешь, чтоб я говорила. Чего ж ты ждал от меня, какого другого ответа? Неужели ты предполагал, что я его брошу?

Муров. Ах, бедная! Извини меня! У меня и в помышлении не было расстраивать тебя. Оставим эти разговоры, поговорим о чем-нибудь другом.

Отрадина. Ах, да, пожалуйста, о другом. Сделай милость.

Муров. Что ты поделяваешь?

Отрадина. Вот платье шила.

Муров. Кому это?

Отрадина. Себе.

Муров. Хорошенькое?

Отрадина. Дешевенькое. Для меня и это хорошо: у меня золотых приисков нет.

Муров. Зато ты сама чистое золото. Да про какие ты прииски говоришь?

Отрадина. А вот про какие! Вчера я видела платье, вот так уж роскошь! Подвенечное, с блондами.

Муров. Чье же это?

Отрадина. Таисы Ильинишны Шелавиной.

Муров. Как? Что? Что ты говоришь?

Отрадина. Я говорю: Таисы Ильинишны. Ты разве ее знаешь?

Муров. Нет, так... слышал про нее.

Отрадина. Она хорошенькая и богатая, не то, что я. А была бедная девочка; мы с ней давно знакомы, вместе учиться бегали.

Муров. Неужели?

Отрадина. Ленивая такая была и училась плохо; а вот разбогатела и мужа нашла. Еще девчонкой она нас удивляла.

Муров. Чем же?

Отрадина. А тем, что стыда в ней как-то мало было. А сердце все-таки у ней доброе, надо правду сказать. Не видались мы с ней года три, а встретила меня чуть не со слезами; два раза была у меня, предлагала денег... Я не взяла, разумеется. А вот что хорошо: она обещает доставить мне два урока и постоянную работу. Это для меня очень важно; я могу не тратить моего маленького капитала, побережь его для сына... а может быть, и на приданое. Послушай! Покажи меня своей матери; я могу ей понравиться, у меня есть способности. Я здесь заглохла. Я, если захочу, могу блеснуть и умом, и своими знаниями, и очаровать старуху.

Муров. Да, да, я не сомневаюсь.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Отрадина. Ну, вот и прекрасно. Я недавно познакомилась с одним семейством, там бывает и твоя мать.

Муров. Все это очень хорошо; но только не теперь; как-нибудь впоследствии.

Отрадина. Отчего же?

Муров. Да вот что, мой друг! Я должен сообщить тебе не совсем приятную новость.

Отрадина. Что еще? Говори скорей! Что за мученье мне сегодня!

Муров. Не бойся! Ничего особенного. Нам надо будет расстаться на время.

Отрадина. Зачем?

Муров. Я еду.

Отрадина. Едешь? Куда же?

Муров. В Смоленскую губернию, потом в Петербург, по делам маменьки.

Отрадина. Надолго?

Муров. Я и сам еще не знаю; месяца на два, а может быть, и больше. Как дело кончится в сенате... Я уж и отпуск взял.

Отрадина. Когда ж ты отправляешься?

Муров. Сегодня вечером.

Отрадина. Так скоро? Что ж ты меня не предупредил? Я совсем не приготовилась; я была так весела сегодня, не думала о разлуке с тобой, и вдруг такое горе. (Плачет.)

Муров. Ну, что за горе? Об чем же плакать? Я, может быть, ворочусь очень скоро.

Отрадина. А Гриша? Тебе не жаль его?

Муров. Да разве ему твоей любви мало? Да что, в самом деле, умирать, что ли, я собираюсь? Ну, перестань же! Мне и так нелегко расставаться с тобой, а как ты еще расплачешься...

Отрадина. Ну, хорошо, ну, я перестану. (Ласкаясь.) Ты ведь не долго будешь так мучить меня? Скоро мы с тобой уж совсем разлучаться не будем? А? Скоро? Ну, говори же!

Муров. Да, конечно, скоро.

Отрадина. Ах, бедный! Довольно ли у тебя денег на дорогу-то?

Муров. Довольно! Будет с меня.

Отрадина. Не верю, не верю; твоя матушка не очень расщедрится. (Достает из стола бумажник.) Вот возьми рублей сто, бери и больше, пожалуй. Мне не нужно, я получу за уроки, да у меня будет работа. Что ж мне делать без тебя? Буду работать от скуки.

Муров. Да нет же, не могу я и не хочу брать деньги у тебя.

Отрадина. Отчего же это? Разве я тебе чужая? Разве мы не обязаны делиться друг с другом? Да послушай! (Пристально смотрит на Мурова.) Ты меня не любишь или хочешь оставить?

Муров. Что за вздор тебе лезет в голову.

Отрадина. Так возьми... Неужели же бы ты не взял от жены своей? Ну, это мой подарок тебе.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Муров. Изволь, я возьму. Только, если я увижу, что у меня своих денег будет довольно, ты уж позволишь мне возратить тебе твой подарок.

Отрадина. Ну, там видно будет. А вот еще, мой друг, возьми этот медальон. (Снимает с своей шеи медальон.) Носи его постоянно. Тут волосы нашего Гриши; он тебе будет напоминать о нас.

Муров (берет медальон). Изволь, изволь, мой друг.

Отрадина. Ах, какое мученье, какое мученье!

Муров. А коли мученье, так надо его кончить поскорей. Прощай, Люба, я еду!

Отрадина. погоди! вспоминай обо мне почаще, пиши мне!

Муров. непременно, непременно. о ком же мне и помнить, как не о тебе.

Отрадина. Как приедешь в Петербург, так напиши!

Муров. Разумеется, сейчас же напишу.

Отрадина. Ну, прощай! поезжай с богом. (Обнимает его.)

Муров. Довольно, Люба, довольно! (Взглянув в окно.) Что это? кто-то подъехал в карете.

Отрадина (взглянув в окно). Шелавина, это ее карета.

Муров (с испугом). Ах, как это неприятно!

Отрадина. да что за беда? что ты так тревожишься? Ее бояться нечего; она осуждать не станет.

Муров. как не бояться? Нет, я не хочу, чтоб она меня здесь видела. Это невозможно. Она такая болтливая.

Отрадина. Так ты ее знаешь? А говорил, что не знаком с ней.

Муров. Мне говорили, я слышал... Она идет, спрячь меня!

Отрадина. да зачем прятаться? Это странно.

Муров. Ах, вот... я уйду в эту комнату. (Уходит в дверь налево.)

Отрадина. Пожалуй; только я не понимаю...

Входит Шелавина с коробкой в руках.

Явление третье
Отрадина и Шелавина.

Шелавина. Здравствуй, душка!

Отрадина. Здравствуй, Таиса! что у тебя за коробка?

Шелавина. Платье подвенечное. Я ведь замуж выхожу; разве я тебе не говорила?

Отрадина. Нет. да я знаю, я слышала; я и платье-то видела у портнихи.

Шелавина. Вот прелесть-то! чудо, как хорошо! Не хочешь ли поглядеть его на мне? Вот я сейчас, тут у тебя, и надену его. (Хочет раздеваться.)

Отрадина. Не надо, зачем! Еще, пожалуй, войдет кто-нибудь.

Шелавина. Так пойдем к тебе в спальню! (Идет к двери налево.)

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Отрадина. Да не нужно, говорю тебе. Я и так знаю, что хорошо.

Шелавина. Ну не надо, так не надо. Что ты такая сегодня? Лево́й ногой с постели встала, должно быть.

Отрадина. Что-то нездоровится, да и встала рано, работала сидела. (Показывает платье.)

Шелавина. Себе платье шила? Ах ты, бедная! Я прыгаю, веселюсь, а она вон работает сидит. Как судьба-то несправедлива! Ты лучше меня в тысячу раз и умнее, а живешь бедно; а я вот, ни с того ни с сего, разбогатела.

Отрадина. Как же это ни с того ни с сего?

Шелавина. Да, конечно. Свалилось богатство нежданно-негаданно; сошел человек, на старости лет, с ума и наградил. Спасибо ему, я его всегда буду добром поминать; по его милости я как раз и мужа нашла.

Отрадина. Поздравляю тебя!

Шелавина. Не с чем, душечка!

Отрадина. Разве ты не любишь своего жениха?

Шелавина. Да как его любить-то? Шут его знает, что он за человек. Словам его я не верю, да и верить-то им нельзя.

Отрадина. Богат?

Шелавина. Какое богатство! Голь перекатная!

Отрадина. Значит, хорош собой?

Шелавина. Ну, нельзя сказать; так себе.

Отрадина. Так хорошей фамилии, в больших чинах?

Шелавина (смеется). Да, в чинах. Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин.

Отрадина. Так на что ж ты польстилась? Для чего идешь за него замуж?

Шелавина. Вот я тебе объясню для чего. Я теперь стала богата, а жить-то по-богачу не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счета да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю. Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть. Считать-то я училась по пальцам, а тут пальцев-то и не хватает. А с имениями-то да заводами что я стану делать? Положиться на управляющих да на приказчиков, так они сейчас мою премудрость постигнут и будут обирать как им угодно. А теперь я в барышах: управляющий даром, да он же и муж, человек молодой, ловкий, – чего ж мне еще! Да к тому же он еще клятву дал из повиновения не выходить.

Отрадина. Однако у тебя будет муж хороший, почтительный.

Шелавина. Ну, какой бы ни был, а уж у нас дело слажено. После свадьбы мы сейчас поедем в Петербург; он перейдет туда на службу; я еще молода, недурна собой; посмотри, каких мы делов наделаем.

Отрадина. Твой жених чиновник?

Шелавина. Да, чиновник.

Отрадина. А где служит?

Шелавина. Не знаю, право. Так, болтается где-то, у начальника на посылках, должно быть. Да вот, не хочешь ли, я тебе покажу его? Со мной карточка.

Отрадина. Покажи, покажи!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Шелавина. Кажется, я ее в карман сунула. (Шарит в кармане.) Да вот она. Измялась немножко. (Подает карточку Отрадиной.) Вот гляди!

Отрадина (взглянув на карточку). Ах! Ах!

Шелавина. Что с тобой?

Отрадина. Ничего, я оперлась рукой на стол и накололась на булавки.

Шелавина. Ах, бедная! Больно тебе?

Отрадина. На, возьми. (Отдает карточку.)

Шелавина. Ну, что, каков?

Отрадина. Не знаю, что сказать тебе. Наружность у людей так обманчива. (Опускается на стул.)

Шелавина. Да, это правда. Но если он обманет меня, так ему же хуже. Со мной шутки плохи. Я ведь не поцеремонюсь, я его, милого дружка Григория Львовича, и за дверь вытолкаю. Однако мне пора. Я бы и посидела у тебя, да пропасть хлопот в городе. Приезжай на свадьбу, сделай милость!

Отрадина. Нет, нет, благодарю тебя.

Шелавина. Милая моя, ты нездорова. Поди ложись, я тебе пришлю доктора. Если тебе что нужно, ты только скажи мне, пришли ко мне; я для тебя все готова... Ну, прощай, милая, голубка! (Целует Отрадину и уходит.)

Отрадина провожает ее до дверей: потом, едва держась на ногах, подходит к столу, опирается на него правой рукой – и с напряжением смотрит на дверь спальни. В двери показывается Муров.

Отрадина (указывая среднюю дверь). Уходите!

Муров. Любушка, послушай!

Отрадина. Уходите!

Муров (подавая деньги). Твои деньги...

Отрадина (берет деньги и кладет на стол). Уходите, говорю я вам.

Входит Галчиха.

Явление четвертое

Отрадина, Муров, Галчиха, потом Аннушка.

Отрадина. Что ты, Архиповна?

Галчиха. К вам, матушка.

Отрадина. Как же ты ребенка бросила? Зачем ты в городе?

Галчиха. Да, матушка (утирает фартуком слезы), ребеночек-то...

Отрадина. Что, что?

Галчиха. Помирает, матушка.

Отрадина. Как? Что? Аннушка, Аннушка!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Аннушка показывается в двери справа.

Платок, платок! да беги за извозчиком!

Галчиха. Да я на извозчике.

Аннушка уходит.

Отрадина. Что же, что же? Говори, ради бога! Он вчера здоров был.

Галчиха. Вдруг, матушка... Захрипит, захрипит да весь почернеет.

Отрадина. Доктора, скорей доктора!

Галчиха. Доктор у нас, матушка. Тут земский приехал к нам в слободу, так я его позвала. Он меня и послал.

Отрадина. Что ж он говорит?

Входит Аннушка с платком.

Галчиха. Дурно, говорит, самая болезнь опасная. (Утирает слезы.) Часу, говорит, не проживет.

Отрадина. Ай, ай! (Берет платок и покрывается.) Побежим, побежим! (Мурову.) Ну, теперь вы совсем свободны.

Муров. Я за вами поеду.

Уходят.

Действие второе

Лица

Елена Ивановна Кручинина, известная провинциальная актриса.

Нил Стратоныч Дудукин, богатый барин.

Нина Павловна Коринкина, актриса.

Григорий Незнамов, артист провинциального театра

Шмага, артист провинциального театра.

Арина Архиповна, Галчиха

Иван, слуга в гостинице.

Комната в гостинице, прилично меблированная, с камином; в глубине дверь в коридор, справа от актеров дверь в другую комнату. Между первым и вторым действиями проходит семнадцать лет.

Явление первое

Иван стирает пыль с мебели. Дудукин отворяет дверь.

Дудукин (в дверях). Можно войти?

Иван. Пожалуйте, сударь, Нил Стратоныч!

Дудукин (входя с кульком в руках). Что, Елена Ивановна встала?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Иван. Уж и кофею накушались.

Дудукин. Спроси, примет ли она меня!

Иван. Да они уехамши-с.

Дудукин. Эка досада! А я ей чаю привез, только получили с ярмарки; и икры зернистой стерляжьей: она любит очень.

Иван. Понимаю-с. Пожалуйста, я девушке отдам. Вы, сударь, Нил Стратоныч подождите их; они скоро будут. (Берет кулек, уходит в дверь направо и сейчас же возвращается.)

Дудукин. А куда она поехала?

Иван. К губернатору-с.

Дудукин. Зачем?

Иван. Не могу знать-с. Надо полагать, насчет бенефисту-с, так как актеры и актрисы, которые ежели... так уж первым долгом завсегда-с...

Дудукин. Что ты врешь! Какой бенефис! О бенефисе еще и разговору нет. Про бенефисы я всегда прежде всех знаю. С кем поехала? Со Степкой?

Иван. Со Степкой-с.

Дудукин. На пристяжке караковая?

Иван. Караковая-с.

Дудукин. То-то же. А то у него саврасенькая есть, так та пуглива и задом бьет, того гляди через постромку ногу перекинет. С мужчиной едет – ну, ничего, а женщина сосуд скудельный. Нервы у них.

Иван. Как можно, помилуйте! Сохрани бог!

Дудукин. А зелень у вас к столу есть какая-нибудь?

Иван. Какая уж зелень у нас! Один салат, да и тот больше как вроде кожи. Нешто у нас заведение настоящее? Тоже разве мало слышим брани-то от приезжающих! А мы при чем тут, коли хозяин без понятия.

Дудукин. Ну, так я вам пришлю и салату, и цветной капусты. Подавайте только одной Елене Ивановне; на всех гостей я вам не поставщик. Так повару и скажи!

Иван. Слушаю. Да что вам, сударь, беспокоиться! Ведь уж если наш хозяин не знает, что для хороших господ требуется, так никому вреда, кроме как себе.

Дудукин. Да ведь это свинство, любезный друг.

Иван. Уж это как есть, в полной форме.

Дудукин. Актриса знаменитая!

Иван. Да-с, которые господа видели, так ужасно как ихнюю игру одобряют, даже вне себя приходят.

Дудукин. Мне до вашего хозяина дела нет; да за наш город-то стыдно: мы здешние обыватели. Где-нибудь, в другом губернском городе, будет Елена Ивановна говорить, что и поместить-то, и накормить-то не умели; приятно это нам будет!

Входит Коринкина. Иван уходит.

Явление второе
Дудукин и Коринкина.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Коринкина. А! Вы здесь! Ну, да, конечно, где же вам и быть!

Дудукин. Ах, красавица моя!

Коринкина. Что такое за красавица! Что за фамилиарность! У меня есть имя и отечество!

Дудукин. Позвольте вам доложить, Нина Павловна, что вы напрасно гневаться изволите. Я даже обязан быть здесь.

Коринкина. Скажите, пожалуйста! Обязан! Зачем это, позвольте вас спросить?

Дудукин. Приехала известная артистка; она в первый раз в нашем городе, никого здесь не знает; я, как представитель здешней интеллигенции...

Коринкина. Ах, оставьте глупости! Какая интеллигенция! Просто появилась новая юбка в городе, вот вы и растаяли. (Со смехом.) Обязанности! Отличные у вас обязанности!

Дудукин. Ревнуете, бесценная моя?

Коринкина. Ревновать вас? Не смешите, пожалуйста! Мне просто стыдно за вас: как увидите женщину, так и губы распустите. О, противность какая!

Дудукин. Вы только за этим и приехали сюда, мое блаженство?

Коринкина. Опять вы «мое блаженство»! (Топает ногой.) Ну, слушайте. У меня сейчас собираются некоторые артисты; мы хотим серьезно поговорить об одном деле, и вы должны тут присутствовать. Я вас везде искала, по всему городу ездила.

Дудукин. Что же это за конгресс у вас собирается, и об чем дебаты будут?

Коринкина. Вы слышали, что вчера наделал Незнамов?

Дудукин. Не только слышал, но почти был свидетелем этого назидательного спектакля; немного опоздал, о чем весьма сожалею.

Коринкина. Он в буфете, во время спектакля, избил Мухобоева.

Дудукин. И прекрасно сделал.

Коринкина. Да ведь Мухобоев почтенный человек, он градским головою хотел быть.

Дудукин. Как ему не хотеть! Да общество-то захочет ли?

Коринкина. Да ведь это два бельэтажа и несколько кресел в каждый бенефис. Он теперь и в театр не заглянет. Вот мы и собираемся писать письмо Мухобоеву, что Незнамова мы нашим товарищем не признаем и будем требовать от антрепренера его увольнения. Да и я не хочу, чтобы Незнамов вместе со мной служил.

Дудукин. Да вы-то что так уж очень гневаетесь на него, мое очарование?

Коринкина. Ах, он невыносим, невозможен! У него острый и злой язык и самый дурной характер; как только артисты сойдутся вместе, особенно если ему попадет лишняя рюмка, так и пошел, и пошел... и уж непременно придерется к кому-нибудь. А какие он вещи говорит женщинам! Невыносимо, невыносимо! Так бы вот и убила его.

Дудукин. Обижает вас, сочиняет про вас небылицу, выдумывает? За это действительно убить следует.

Коринкина. Да положим, что и не выдумывает; пожалуй, все это правда, что он говорит; да зачем? Кто его просит? Он моложе всех в труппе, ему ли учить! Мы собираемся, чтоб провести время весело, а совсем не затем, чтоб слушать его проповеди. Коли что знаешь, так и знай про себя. Он только отравляет наше общество. Как я рада буду, если мы от него отделаемся. Такой молодой, еще совсем мальчик, и такой раздражительный!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Дудукин. Раздражали его, так он стал раздражительный. А ему-то самому жизнь
сладка ли, спросите?

Коринкина. Пожалуйста, не заступайтесь. Вы здесь останетесь, конечно? Вот вам
полчаса сроку для разговоров с Кручининой, впрочем, и четверти часа довольно.
Потом заедете за моими ботинками в магазин и в кондитерскую за конфетами, и в
двенадцать часов чтоб у меня, ни раньше, ни позже! Слышите, в двенадцать часов!
Если вы опоздаете хоть пять минут, то дверь будет заперта для вас.

Дудукин. И надолго?

Коринкина. Навсегда. Я с вами затолковалась, а меня Миловзоров на дрожках
ждет.

Дудукин. Без провожатых не можете?

Коринкина. Уж не ревность ли? Вот еще новости! Ведь он у нас первый любовник в
театре; мы с ним каждый день в любви объясняемся; пора бы вам привыкнуть.

Дудукин. Так уж пускай бы он вашим любовником только на сцене и оставался. Вы в
провожатые лучше комиков берите, с ними веселее.

Коринкина. Это вам веселье-то нужно, вы только пустяками и занимаетесь, а я
женщина серьезная. Так сказано вам, что в двенадцать часов, чтоб так и было. До
свиданья.

Дудукин. Ну, что уж, на крыльях прилечу!

Коринкина уходит. Входит Иван.

Явление третье
Дудукин, Иван, потом Кручинина.

Иван. Елена Ивановна приехали.

Дудукин. Вот и прекрасно.

Входит Кручинина.

Кручинина. Нил Стратоныч, очень рада вас видеть. Извините, я вас на минуточку
оставлю, шляпку сниму.

Иван. Тут артисты вас два раза спрашивали.

Кручинина. Какие?

Иван. Не так чтобы очень, не из первых сортов.

Кручинина. Где ж они?

Иван. Здесь, на биллиарде играют.

Кручинина. Ну, пускай играют, пригласи их после. (Уходит в дверь направо.)

Дудукин. Как же тебе, братец, не стыдно: ты артистов не знаешь.

Иван. Как их? О, чтоб... И помнил, да забыл. Один-то даже в чужом пальте, не по
росту ему, с большого человека надето.

Дудукин. Шмага?

Иван. Он, он самый.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Входит Кручинина. Иван уходит.

Кручинина. Как вам не стыдно, Нил Стратоныч! Вы опять с приношениями, вы меня уж очень балуете. Мне, право, совестно; каждый день что-нибудь; вот сегодня чаю, икры привезли.

Дудукин. Да ведь надо же вам чем-нибудь питаться; гостиницы у нас в плохом состоянии. А что такое эти безделки: чай, да икра, да и все наши букеты и лавры. Об них и говорить-то не стоит. Все это очень малая плата за то счастье, за те наслаждения, которые вы нам доставляете своим талантом.

Кручинина. Все говорят, что вы очень добрый человек.

Дудукин. Это во мне есть, только ведь это качество наследственное, от родителей, а моей заслуги тут никакой нет-с. Да ведь это дарование не очень важное! Если б и доброты-то во мне не было, так куда ж бы я годился!

Кручинина. Нет, хорошее качество, хорошее.

Дудукин. Дешевенькое-с, мне оно никакого труда не стоит.

Кручинина. Тем-то оно и дорого.

Дудукин. Уж это вам как угодно, спорить не смею. Я человек ограниченный, ни к каким занятиям, даже и хозяйственным, неспособный; так чтобы уж не быть совсем без дела, я себе и избрал специальность – услаждать жизнь артистов.

Кручинина. И артисток?

Дудукин. И артисток. Заедет труппа, например, хоть в наш город, увеселять людей, ровно ничего не делающих, ничем не интересующихся и ничего не желающих, и сядут, как раки на мели. Обыватели у нас большею частью люди солидные, тяжеловесные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные.

Кручинина. Чего же еще!

Дудукин. Но относительно нравов и умственного развития находятся еще в самом первобытном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные. А ведь артисты народ необеспеченный; по-европейски сказать, пролетарии, а по-нашему, по-русски, птицы небесные: где посыпано крупки, там клюют, а где нет – голодают. Как же к ним не иметь сожаления?

Кручинина. Ну, к артисткам-то влечет вас, я думаю, не одно сожаление?

Дудукин. Да-с, да-с. Совершенно справедливо. Ничего такого возвышенного во мне нет, а грехов много. Обыкновенный старичок, дюжинный, много нас таких-то. У губернатора изволили быть?

Кручинина. Да, благодарить его ездила. Вчера во время спектакля в театральном буфете вышел скандал, в котором обвиняют артиста Незнамова. Антрепренер прибежал ко мне в уборную встревоженный и объявил, что Незнамову грозит беда, что он держится в труппе только вследствие снисходительности губернатора, который уж и прежде обещал выслать его из города, если он будет производить скандалы, так как это случилось с ним не раз, да и паспорт у него не в исправности. После спектакля губернатор пришел на сцену: тут я его и просила за Незнамова; он сказал, что Незнамова следовало бы проучить, но что для меня он готов оставить это дело без внимания, если оно кончится миром. Оно, кажется, уж и кончилось. Скажите, что это за история, и что такое этот Незнамов? Он, кажется, еще очень молодой человек?

Дудукин. Я изложу вам краткую биографию его, как он мне сам передавал. Ни отца, ни матери он не помнит и не знает, рос и воспитывался он где-то далеко, чуть не на границах Сибири, в доме каких-то бездетных, но достаточных супругов из мира чиновников, которых долгое время считал за родителей. Его любили, с ним обращались хорошо, хотя не без того чтобы под сердитую руку не попрекнуть его незаконным происхождением. Разумеется, он их слов не понимал и разобрал их значение только впоследствии. Его даже учили: он бегал в какой-то дешевенький

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru пансион и получил порядочное для провинциального артиста образование. Так он прожил лет до пятнадцати, потом начались страдания, о которых он без ужаса вспомнить не может. Чиновник умер, а вдова его вышла замуж за отставного землемера, пошло бесконечное пьянство, ссоры и драки, в которых прежде всего доставалось ему. Его прогнали в кухню и кормили вместе с прислугой; часто по ночам его выталкивали из дому, и ему приходилось ночевать под открытым небом. А иногда от брани и побоев он и сам уходил и пропадал по неделе, проживал кой-где с поденщиками, нищими и всякими бродягами, и с этого времени, кроме позорной брани, он уж никаких других слов не слышал от людей. В такой жизни он озлобился и одичал до того, что стал кусаться как зверь. Наконец, в одно прекрасное утро его из дому совсем выгнали; тогда он пристал к какой-то бродячей трупке и переехал с ней в другой город. Оттуда его, за неимение законного вида, отправили по этапу на место жительства. Документы его оказались затерянными; волочили, волочили его, наконец выдали какую-то копию с явочного прошения, с которой он и стал переезжать с антрепренерами из города в город, под вечным страхом, что каждую минуту полиция может препроводить его на родину.

Кручинина. Его зовут Григорий...

Дудукин. Да, Григорий.

Кручинина. А много ли ему лет?

Дудукин. Года двадцать три.

Кручинина. Не меньше?

Дудукин. Никак не меньше. Почему вас это интересует?

Кручинина. Так, некоторое совпадение... Да вы не обращайтесь внимания; это фантазия. Извините, что вас перебиваю.

Дудукин. Что касается вчерашней истории, так это дело обыкновенное; такие истории у нас часто случаются. Вчера один из наших почтенных обывателей, Мухобоев, так увлекся вашей игрой, что запил с первого акта. Стал шуметь в буфете, приставать ко всем, потчевать всех, целовать. Тут случился и Незнамов, он и к нему стал приставать. Незнамов, чтоб отвязаться, хотел уйти из буфета; тогда Мухобоев стал ругаться и оскорбил Незнамова самым чувствительным образом.

Кручинина. За что же?

Дудукин. За то, что тот пить отказался. Я, говорит, ему честь делаю, хочу с ним выпить, а он, какой-то подзаборник, еще смеет отказываться.

Кручинина. Что такое «подзаборник»?

Дудукин. Ребенок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору.

Кручинина. Как это глупо! Неужели еще находятся такие люди, которые позволяют себе подобные выходки?

Дудукин. К несчастью, много их находится. Вслед за этой обидой началось должное возмездие: из почтенного Мухобоева Незнамов сделал что-то вроде отбивной котлетки. Сначала Мухобоев рассвирепел, хотел жаловаться, хотел сослать Незнамова в Сибирь, но добрые люди его скоро уговорили, и все кончилось примирением и общей выпивкой. Между тем на шум явилась полиция, и дело могло кончиться очень дурно для Незнамова, если б не ваше заступничество. А как вы вчера играли! Немудрено, что люди запивают от восторга. Как вы верно передали чувство матери!

Кручинина. На то я актриса, Нил Стратоныч!

Дудукин. Но чтоб верно представить положение, надо прочувствовать, пережить если не то самое, так хоть что-нибудь подобное.

Кручинина. Ах, Нил Стратоныч, я столько пережила и почувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положение будет новостью.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Дудукин. Значит, лавры-то не дешево достаются?

Кручинина. Лавры-то потом, а сначала горе да слезы.

Дудукин. Но чувство матери, эта страстная любовь к сыну, это отчаяние...

Кручинина. И я была матерью, и я так же видела умирающего сына, как леди Микельсфильд, которую я вчера играла. Только мой сын умер еще ребенком. (Утирает слезы.)

Дудукин. Ну, вот я вас и плакать заставил; извините, пожалуйста.

Кручинина. Ничего, иногда и поплакать хорошо; я теперь не часто плачу. Я еще вам благодарна, что вы вызвали во мне воспоминания о прошлом; в них много горького, но и в самой этой горечи есть приятное для меня. Я не бегу от воспоминаний, я их нарочно возбуждаю в себе: а что поплачу, это не беда: женщины любят поплакать. Я вчера объезжала ваш город: он мало изменился; я много нашла знакомых зданий и даже деревьев и многое припомнила из своей прежней жизни и хорошего и дурного.

Дудукин. Так вы у нас не в первый раз?

Кручинина. Нет, я и родилась здесь, и провела почти всю молодость. Я сначала хотела мимо проехать – меня ждут в Саратове и в Ростове; но ваш антрепренер узнал о моем проезде и упросил меня сыграть несколько спектаклей, чтобы поднять сборы, которые у него плохи, и я не жалею, что здесь осталась.

Дудукин. Вы давно ли уехали отсюда?

Кручинина. Ровно семнадцать лет.

Дудукин. И вы не встретили никого знакомых или родных, и вас никто не узнал?

Кручинина. Родных у меня нет; жила я скромно, почти не имела знакомства, так и узнать меня некому. Вчера я проезжала мимо того дома, где жила, велела остановиться и подробно осмотрела все: крыльцо, окна, ставни, забор, даже заглядывала в сад. Боже мой! Сколько у меня в это время разных воспоминаний промелькнуло в голове. У меня уж слишком сильно воображение и, кажется, в ущерб рассудку.

Дудукин. Это не порок-с, это у многих женщин есть.

Кручинина. Мне ничего не стоит перенестись за семнадцать лет назад; представить себе, что я сижу в своей квартире, работаю; вдруг мне стало скучно, я беру платок, накрываюсь и бегу навестить сына; играю с ним, разговариваю. Я его так живо представляю себе. Это, должно быть, от того, что я не видела его мертвым, не видела в гробу, в могиле.

Дудукин. Как же это случилось? Извините, что я вызываю вас на откровенность.

Кручинина. Я не боюсь быть откровенной с вами; вы такой добрый. Это случилось вот как: мне сказали, что мой сын захворал, в то самое время, когда я узнала, что отец его мне изменяет и потихоньку от меня женится на другой. Я и без того была потрясена, разбита, уничтожена, а тут еще болезнь ребенка. Я бросилась к нему и увидела ребенка уж без признаков жизни: передо мной был посиневший труп; дыхания уже не было, а только слышалось едва уловимое хрипение в горле. Я кинулась его обнимать, целовать и упала без чувств. Так в обмороке меня и доставили домой, а к вечеру у меня открылся сильный дифтерит. Я прохворала месяца полтора и едва еще держалась на ногах, когда моя бабушка, единственная моя родственница, и то дальняя, увезла меня к себе в деревню. Там мне подали, наконец, письмо, в котором меня извещали, что сын мой умер и похоронен отцом, что малютка теперь на небесах и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его от меня скрывали. Потом мы с бабушкой поехали в Крым, где у нее было маленькое имение, и прожили там три года в совершенном уединении.

Дудукин. А дальнейшая ваша жизнь?

Кручинина. Она представляет мало интереса. Я с бабушкой много странствовала, жила и за границей, и довольно долго; потом бабушка умерла и оставила мне

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru значительную часть наследства. Я стала довольно богата и совершенно независима, но от тоски не знала, куда деться. Подумала, подумала и пошла в актрисы. Играла я больше на юге и в этой стороне не была ни разу. Вот теперь заехала сюда случайно и вспомнила живо и свою юность, и своего сына, о котором и плачу, как вы видите; я ведь странная женщина: чувство совершенно владеет мною, захватывает меня всю, и я часто дохожу до галлюцинаций.

Дудукин. Лечиться надобно, Елена Ивановна; нынче против воображения есть довольно верные средства: с большим успехом действуют.

Кручинина. Да я не хочу лечиться; мне приятна моя болезнь. Мне приятно вызывать образ моего сына, приятно разговаривать с ним, приятно думать, что он жив. Я иногда с каким-то испугом, с какой-то дрожью жду, что вот-вот он войдет ко мне.

Дудукин. Да если б он и вошел, так ведь вы бы его не узнали.

Кручинина. Нет, мне кажется, узнаю, сердце скажет.

Дудукин. Да вы его воображаете ребенком, а ему теперь, если б он был жив, было бы двадцать лет. Ну представьте, что мечты ваши сбылись, что вы увидите вашего сына... Вот вам сказали, что сейчас он войдет сюда...

Кручинина. Ах, ах! (Закрывает лицо руками.)

Дудукин. Вы представляете себе улыбающееся, ангельское личико с беленькими шелковыми кудрями.

Кручинина. Да, да, с шелковыми кудрями.

Дудукин. И вдруг вваливается растрепанный шалопай, вроде Незнамова, небритый, с букетом грошовых папирос и коньяку.

Кручинина. Ах, нет! Ах, довольно, оставьте! Этим не шутят.

Дудукин. Да я и не шучу; я вам докладываю сухую правду. Нехорошо, Елена Ивановна, думать и сокрушаться о том, что было семнадцать лет тому назад; нездорово. Вы много дома сидите, вам нужно развлечение, нужно повеселее жизнь вести. (Взглянув на часы.) Ай, ай, как я заговорился с вами. (Встает, взглянув на камин.) Однако у вас посетителей-то довольно было!

Кручинина. Это только карточки, Иван их на камин складывает, а я почти никого не принимаю.

Дудукин (взяв одну карточку). Григорий Львович Муров.

Кручинина. Как! Что вы прочли?

Дудукин. Муров, Григорий Львович. Если вы его прежде знали, так теперь не узнаете. Важным баринном стал, разбогател страшно и один из главных воротил в губернии. До свидания, совершеннейшая из женщин. (Целует руку у Кручининой.) Я вас так и буду называть совершенством.

Кручинина. До свидания, Нил Стратоныч!

Дудукин уходит.

Иван!

Входит Иван.

Дома ли я, нет ли, господина Мурова никогда не принимай! Слышишь?

Иван. Слушаю-с. (Уходит.)

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Кручинина. Муров разбогател, стал большим барином, важным лицом в губернии; а как жалок, сконфужен, как ничтожен он был, когда мы виделись в последний раз, когда я выгнала его из моей квартиры. Все это так живо мне представляется, как будто происходило вчера. Накануне этого рокового дня я навещала Гришу. (Закрывает рукой глаза.) Архиповна стояла с ним у окна, закрыв его до половины своим шейным платком. Когда я подошла, он забарабанил пальчиками по стеклу и спрятался под платок; потом выглянул и расхохотался. Прыгает так, что Архиповна едва удержать его может, ручонками машет, щечки разгорелись. Ну вот, вот он; я как сейчас его вижу!

Входят Незнамов и Шмага, доедая кусок бутерброда.

Явление четвертое
Кручинина, Незнамов и Шмага.

Кручинина (с испугом отступает). Ах!

Незнамов. Ничего, чего вы боитесь?

Кручинина. Извините.

Незнамов. Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу. Как вы думаете: по искусству или по ремеслу?

Кручинина. Как вам угодно. Это зависит от взгляда.

Незнамов. Вам, может быть, угодно считать свою игру искусством, мы вам того запретить не можем. Я откровеннее, я считаю свою профессию ремеслом, и ремеслом довольно низкого сорта.

Кручинина. Вы вошли так неожиданно.

Незнамов. Да уж мы в другой раз сегодня...

Кручинина. Ах, да, мне сказывали.

Незнамов. Значит, не совсем неожиданно. Я говорю: мы – потому что я с другом. Вот рекомендую! Артист Шмага! Комик в жизни и злодей на сцене. Вы не подумайте, что он играет злодеев; нет, это не его амплуа. Он играет всякие роли и даже благородных отцов; но он все-таки злодей для всякой пьесы, в которой он играет. Кланяйся, Шмага!

Шмага кланяется.

Кручинина. Что вам угодно, господа?

Незнамов. Нам угодно поговорить с вами. Но, разумеется, вы можете сейчас же нас выгнать вон, вы на это имеете полное право. Не стесняйтесь с нами.

Кручинина. Нет, зачем же! Милости прошу! Садитесь, господа!

Незнамов. Сядем, Шмага! Не всегда нас так учтиво принимают.

Садятся. Шмага разваливается в кресле очень свободно.

Дело, собственно, касается меня; но я предоставляю говорить Шмаге, потому что он красноречивее.

Шмага. Мы слышали от нашего патрона, что вы говорили на сцене с губернатором.

Кручинина. Да, я говорила.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Шмага. Вы просили за Гришку Незнамова?

Кручинина. Да, и губернатор обещал, что на этот раз он не примет никаких мер, неприятных для господина Незнамова.

Шмага. Но позвольте, позвольте! Какое же вы имели право просить за Гришку? Он вас не приглашал в адвокаты.

Кручинина. Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня. Мне сказали, что господину Незнамову грозит большая неприятность...

Незнамов. Ну, так что ж? Вам-то что за дело?

Кручинина. Но если я имею возможность без особенного труда избавить кого бы то ни было от неприятности, так я должна это сделать непременно. Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом.

Незнамов (с улыбкой). Счастливить людей, благодетельствовать?

Шмага (смеется). И притом без большого труда. Нет, уж вы счастливьте кого угодно, только (грозя пальцем) не артистов. (Разваливается еще более.) Артист... горд!

Кручинина (вставая). Ну, что ж делать! Извините! Я поступаю так, как мне велит моя совесть, как мне указывает сердце; других побуждений у меня нет. Оправдывать себя я не считаю нужным: можете думать обо мне, что вам угодно.

Незнамов. Я вам предлагал прогнать нас; это было бы для вас покойнее.

Кручинина. Нет, зачем же гнать! Я и теперь вас не прогоню. И обид, и оскорблений, и всякого горя я видела в жизни довольно; мне не привыкать стать. Мне теперь больно и в то же время интересно; я должна узнать нравы и образ мыслей людей, с которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!

Незнамов. Да-с, я говорить буду. Вот уж вы и жалуетесь, уж вам и больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для разнообразия, не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее, когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют. Это мне нож вострый! Одного только я прошу у людей: чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!

Кручинина. Я не знала этого.

Незнамов. Ну, так знайте же и не расточайте ваших благодеяний так щедро, будьте осторожнее! Вы хотели избавить меня от путешествия по этапу? Для чего вам это? Вы думаете, что оказали мне услугу? Нисколько. Мне эта прогулка знакома; меня этим не удивишь! Я уж ходил по этапу чуть не ребенком, и без всякой вины с моей стороны.

Шмага. За бесписьменность, виду не было. Ярлычок-то забыл захватить, как его по имени звать, по отчеству величать, как по чину место дать во пиру, во беседе.

Незнамов. Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины; а он что-нибудь, он какая-то единица, у него есть звание, есть вид. На этом виде значится: «Сын отставного канцеляриста; исключен из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копиистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камлотовой шинели и оставлен в подозрении». Ну, разве не восторг иметь такой документ! У него вид чистый, он счастливее, он всякому может прямо смотреть в глаза, всякому может сказать, кто он и что он. Какая мне радость, что я по вашей милости останусь здесь, в этом городишке? Из театра меня гонят и выгонят; что же я за фигуру буду представлять из себя? Бродяга, не помнящий родства, и человек без определенных занятий! Но в таком звании нигде нельзя жить, ни в каком городе; или уж везде, но только на казенной квартире, то есть в местах

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru заключения. Я не вор и наклонности к этому занятию не чувствую. Я не разбойник, не убийца, во мне кровавых инстинктов нет; но все-таки я чувствую, что по какой-то покатости, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу. Таких людей лучше не трогать: благодетели озлобляют их еще больше.

Кручинина. Ах, да отчего же, отчего же?

Незнамов. Да вот, например: мне совсем не до вас; существуете вы на свете, или нет вас – мне решительно все равно; мы друг другу чужие, ну, и шли бы каждый своей дорогой. А вы навязываетесь с благодетелями и напрашиваетесь на благодарность. Ну, положим, благодарить вас я не стану; так ведь все равно мне товарищи покоя не дадут. При всяком удобном случае каждый напомнит мне о вашем благодетелии. «Благодари Кручинину, что ты с нами! Кабы не Кручинина, странствовать бы тебе!» И так надоедят мне, что я принужден буду вас возненавидеть. А я этого не желал, я желал оставаться к вам равнодушным. Я понимаю, что благодетельствовать очень заманчиво, особенно если вас все осыпают любезностями и ни в чем вам не отказывают, но не всегда можно рассчитывать на благодарность, иногда можно наткнуться и на неприятность.

Кручинина. И довольно часто. Я это знаю.

Незнамов. И все не понимаетесь?

Кручинина. И не уймуся никогда, потому что чувствую потребность делать добро.

Незнамов. Это довольно странно. Поуняться не мешало бы.

Кручинина. Ну, вот что, господа! Я выслушала вас терпеливо; в том, что своей услугой я сделала вам неприятность, я извиняюсь перед вами. Но, господин Незнамов, вы очень дурно воспользовались моей снисходительностью; вы могли говорить только о своем деле, а вы позволили себе обсуждать мои поступки и давать мне советы. Вы еще очень молоды, вы совсем не знаете жизни; вас окружали с детства, да и теперь окружают люди, далеко не лучшие. Делать заключения вообще о людях вы не смеете, потому что хороших людей вы почти не видали и среди их не жили. Вы видели жизнь только...

Шмага. Из подворотни?

Кручинина. Я не то хотела сказать.

Шмага. Отчего же? Нет, так лучше, вернее.

Незнамов. Все равно, не в словах дело.

Кручинина. Я опытнее вас и больше жила на свете; я знаю, что в людях есть много благородства, много любви, самоотвержения, особенно в женщинах.

Незнамов. Будто?

Кручинина. Вы ничего этого не видали?

Незнамов. Не случилось.

Кручинина. Очень жаль.

Незнамов. Где ж такие редкостные экземпляры находятся?

Кручинина. Везде, стоит только поискать; они не редки, их много. Да вот, недалеко ходить, вы знаете, что такое сестры милосердия?

Незнамов. Знаю.

Кручинина. Что побуждает их переносить лишения, невероятные труды, опасности?

Незнамов. Я этого не знаю.

Кручинина. Да и не одни сестры милосердия, есть много женщин, которые поставили целью своей жизни – помогать сиротам, больным, не имеющим возможности трудиться,

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru и вообще таким, которые страдают не по своей вине... Да нет, этого мало... Есть такие любящие души, которые не разбирают, по чужой или по своей вине человек страдает, и которые готовы помогать даже людям...

Незнамов. Вы ищете слова? Не церемоньтесь, договаривайте.

Кручинина. Даже людям безнадежно испорченным. Вы знаете, что такое любовь?

Незнамов. Из романов знаю.

Кручинина. Вас любил кто-нибудь?

Незнамов. Как вам сказать... Настоящим образом нет... Меня нельзя любить.

Кручинина. Почему?

Незнамов. Да за что же любить человека безнадежно испорченного? Что за интерес? Разве с целью исправить? Так, во-первых, не всякого можно исправить; а во-вторых, не всякий позволит, чтоб его исправляли.

Кручинина. Можно и такого любить.

Незнамов. Сомневаюсь.

Кручинина. Разве сестры милосердия, со всей любовью, ухаживают только за теми, кого можно вылечить? Нет, они еще с большей любовью заботятся и о безнадежных, неизлечимых. Теперь вы, вероятно, согласитесь, что бывают женщины, которые делают добро без всяких расчетов, а только из чистых побуждений. Отвечайте мне. Бывают?

Незнамов (потупясь). Да, бывают.

Кручинина. С меня и довольно. Вы раздражены, расстроены; подите успокойтесь и подумайте о том, что вы сейчас сказали!

Незнамов. Ну, Шмага, пойдем! Мы свое дело сделали – пришли и нагрубили хорошей женщине. Чего ж еще ждать от нас!

Шмага. Грубить – это твое дело, а я человек деликатный. Что такое был наш разговор? Это только прелюдия, серьезное будет впереди. Я имею другую тему, у меня теперь пойдет мотив в минорном тоне. Но без свидетелей мне будет удобнее.

Незнамов. Нет, нет, говори при мне, а то я тебя знаю.

Шмага. Мадам, мы пришли в гостиницу, чтоб объясниться с вами по делу, вам известному, но вы были заняты. Ну, знаете ли, увлечение молодости, буфет, бильярд... соблазн... и при всем том недостаток средств. Вам, конечно, известно, что такое бедный артист. Одним словом, мы задолжали в буфете.

Незнамов (строго). Что, что?

Кручинина. Не беспокойтесь, я велю сейчас заплатить. (Незнамову.) Пожалуйста, не претендуйте, доставьте мне это удовольствие.

Шмага. Да-с... мерси! Впрочем, иначе и быть не может; вам и следует заплатить. Мы не виноваты, что вы не могли нас принять. Не в передней же нам ждать. Мы артисты, наше место в буфете.

Незнамов. Ну, поговорил, и будет. Пойдем, марш!

Шмага. Ах, Гришка, оставь! Оставь, говорю я тебе! (Кручининой.) Но я вам должен сказать, мадам, что и дальнейшее наше существование не обеспечено. Вы – знаменитость, вы получаете за спектакль чуть не половину сбора; а еще неизвестно, от кого зависит успех пьесы и кто делает сборы, вы или мы. Так не мешало бы вам поделиться с товарищами.

Незнамов молча берет Шмагу сзади за воротник и ведет его к двери.

Шмага (на ходу оборачиваясь то в ту, то в другую сторону). Гриша, Гриша!

Незнамов (проводив Шмагу до двери). Уходи!

Шмага быстро скрывается.

Явление пятое
Кручинина и Незнамов.

Кручинина. Вам стыдно за вашего товарища?

Незнамов. Нет, за себя.

Кручинина. Зачем же вы дружите с таким человеком?

Незнамов. А где ж я, в моем звании, других-то возьму? Его, конечно, нельзя читать образцом нравственности; он не задумается за грош продать лучшего своего друга и благодетеля, но ведь, сколько мне известно, очень многие артисты не лишены этой слабости. Зато он имеет и неоцененные достоинства; он не зябнет в легком пальто в трескучие морозы, он не жалуется на голод, когда ему есть нечего, он не сердится, когда его ругают и даже бьют. То есть он, может быть, в душе и сердится, но ничем своего гнева не обнаруживает.

Кручинина. Он и зимой в летнем пальто ходит?

Незнамов. Вот как вы его видели, весь его гардероб тут.

Кручинина (достает из портмоне десятирублевую бумажку). Передайте ему, пожалуйста, от меня.

Незнамов. Что вы, что вы! Не надо. Он их пропьет сейчас же.

Кручинина. Ну, да уж как он хочет.

Незнамов. Это даром брошенные деньги.

Кручинина. Да ведь ему приятно будет получить их?

Незнамов. Еще бы! Конечно, приятно.

Кручинина. Ну, вот я представляю, как ему будет приятно, и мне самой делается приятно. Я люблю дарить. Да, вот что я вас попрошу. Не можете ли вы купить ему пальто готовое, получше? Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?

Незнамов. Да тут и труда нет никакого. (Кланяется.)

Кручинина. До свиданья.

Незнамов (помолчав). Позвольте мне у вас руку поцеловать!

Кручинина. Ах, извольте, извольте!

Незнамов. То есть вы мне протянете ее, как милостыню. Нет, если вы чувствуете ко мне отвращение, так скажите прямо.

Кручинина. Да нет же, нет; я очень рада.

Незнамов. Ведь, в сущности, я дрянь, да еще подзаборник.

Незнамов берет руку Кручининой.

Кручинина (отвернувшись, тихо). Не говорите этого слова; я не могу его слышать.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Незнамов целует ее руку. Она прижимает его голову к груди и крепко целует.

Незнамов. Что вы, что вы! За что?

Кручинина. Извините!

Незнамов. Вы же еще просите извинения! Эх, бог с вами! (Уходит.)

Иван в дверях: «Ступай, ступай! Сказано, что не принимают!»

Кручинина. Иван, с кем ты там?

Входит Иван.

Явление шестое
Кручинина, Иван, потом Галчиха.

Иван. Тут, сударыня, одна полоумная попрошайка все таскается, господам надоедает.

Кручинина. Я дам ей что-нибудь.

Иван. Да ведь она повадится, от нее не отвяжешься. Нет, я ее спроважу лучше. (Уходит.)

Кручинина (заглянув в дверь). Ах, ах! Кто это? Это она! Веди, веди ее сюда, Иван!

Входят Иван и Галчиха.

Архиповна! Узнаешь ты меня?

Галчиха. Как не узнать, ваше сиятельство; в прошлом году тоже не оставили своей милостью бедную старуху, сироту горькую.

Кручинина. Ты погляди на меня хорошенько, погляди!

Галчиха. Виновата, матушка, запоматовала. В запрошлом году сапожки-то пожаловали... Как же, помню...

Кручинина. Иван, кто это? Как ее зовут? Арина Галчиха?

Иван. Она самая-с.

Кручинина. Ну, ступай!

Иван уходит.

Где похоронили моего Гришу? (Берет Галчиху за плечи.) Моего ребенка, моего ребенка?

Галчиха. Не занимаюсь, матушка, годов пятнадцать не занимаюсь. А было время, брала ребят, брала деньги; жила ничем невредима, а теперь бедствую; без роду, без племени, сирота круглая.

Кручинина. Да ты взглядишь в меня, взглядишь хорошенько!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Галчиха. Матушка, да никак... неужто ж вы... как это... Любовь Ивановна, что ли?

Кручинина. Да, я, я, она самая...

Галчиха. Ну, как же, помню, матушка! Благодетельница!

Кручинина. Поедем же на могилку, поедем!

Галчиха. Куда, матушка, на какую?

Кручинина. Сын был у меня, сын.

Галчиха. Да, да, сын, точно... Как его звали-то? Много у меня ребят-то было, много. Генерала Быстрова помните? Всех детей принимала.

Кручинина. Да не то: все не то ты говоришь.

Галчиха. А то вот еще купцы были богатейшие у Здвиженья; так сама-то без меня ничего. Я ее и пользовала.

Кручинина. Да нет, мой сын, мой сын!

Галчиха. Да я про то ж и говорю; и ваш сын... А то еще вдова; за рекой дом, такой большущий и мезонин... и в этом мезонине...

Кручинина. Да не то... Сын мой, Гриша...

Галчиха. Гриша? Да, да, помню...

Кручинина (сажая Галчиху на стул). Еще он тогда захворал; захворал вдруг страшной болезнью. Захрипел, ну, помнишь? И умер.

Галчиха. Выздоровел, матушка! Бог дал, выздоровел!

Кручинина. Что ты говоришь, Архиповна! Пожалей ты меня!

Галчиха. Выздоровел, выздоровел!

Кручинина. А потом, что потом?

Галчиха. Потом бедность меня одолела. Как в те поры хорошо жила, всего было довольно; а тут и нет ничего. Хоть бы из одежки что-нибудь пожаловали.

Кручинина. Да вот деньги, вот! Все отдам, только говори! (Кладет на стол деньги.) Где Гриша, что вы с ним сделали?

Галчиха. Ах, да... Бог меня наказал, вот за это за самое и наказал.

Кручинина. Да за что «за это»? Ты говоришь, что он выздоровел?

Галчиха. Выздоровел, выздоровел; как же! скорехонько выздоровел! (Косится на деньги.) Хорошо, кого господь-то наградит; а я вот горькая...

Кручинина. Ведь уж я сказала, что эти деньги будут твои, только говори. Прошу тебя, умоляю.

Галчиха. Да что, матушка, говорить-то?

Кручинина. О Грише, о моем Грише!

Галчиха. Беленькой такой мальчик?

Кручинина. Да, беленький. Ты говоришь, что бог тебя наказал за него. За что же?

Галчиха. Вспомнила, матушка, вспомнила.

Кручинина. Боже мой! Вспомнила! Ну, ну! (Становится перед ней на колени и глядит ей прямо в глаза.)

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Галчиха. Как это он выправляться-то стал, так все маму спрашивал да кликал.

Кручинина (рыдая). Ты говоришь: маму?

Галчиха. Да. Ручонки-то вытянет да говорит: «мама, мама!»

Кручинина. О, боже мой! О, боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше!

Галчиха. Думаю, куда его деть?.. Держать у себя – так еще будут ли платить... сумлевалась. Уж запомновала фамилию-то... муж с женой, только детей бог не дал. Вот сама-то и говорит: достань мне сиротку, я его вместо сына любить буду. Я и отдала; много я с нее денег взяла... За воспитанье, говорю, мне за два года не плочено, так заплати! Заплатила. Потом Григорью... как его... да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: так и так, мол, отдала. И хорошо, говорит, и без хлопот. Еще мне же зелененькую пожаловал.

Кручинина. А потом, потом?

Галчиха. И все так хорошо, прекрасно.

Кручинина. Так ты видела его, навещала часто?

Галчиха. Как же, видала, видала... Да вот и недавно видела.

Кручинина (с испугом). Недавно?

Галчиха. Бегаёт в саду, тележку катает; рубашечка синенькая.

Кручинина (отстраняясь). Что ты, что ты! Да ведь ему теперь двадцать лет.

Галчиха. Каких двадцать? Нет, маленький.

Кручинина. Да, Архиповна! Арина, Арина, что ты говоришь?

Галчиха. Ах, матушка, простите вы меня! Польстилась вот на деньги-то... Вы приказываете говорить; я и говорю, говорю, утешаю вас, а сама не знаю что... совсем затмилась... Затуманилось в голове-то, сама ничего не разберу. Передохнуть бы малость.

Кручинина. Ну, поди отдохни! (Ведет Галчиху в другую комнату.)

Галчиха. Коли что знаю, так я вспомню... (Уходит.)

Кручинина (садится у стола). Какое злодейство, какое злодейство! Я тоскую об сыне, убиваюсь; меня уверяют, что он умер; я обливаюсь слезами, бегу далеко, ищу по свету уголка, где бы забыть свое горе, а он манит меня ручонками и кличет: мама, мама! Какое злодейство! (Рыдая, опускает голову на стол.)

Действие третье

Лица

Кручинина.

Дудукин.

Муров.

Коринкина.

Незнамов.

Шмага.

Миловзоров Петя, первый любовник.

Женская уборная: обои местами прорваны, местами облупились; в глубине дверь на сцену; стол, перед ним мягкое потертое кресло, остальная мебель сборная.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Явление первое

Коринкина в задумчивости полулежит в кресле. Входит Миловзоров.

Коринкина. Кто там?

Миловзоров. Я, мой друг.

Коринкина. Затвори дверь!

Миловзоров. Зачем?

Коринкина. Шлятуются тут и подслушивают.

Миловзоров. У вас, мой друг, нервы.

Коринкина. Ну да, нервы; будут тут нервы. Не понимаю. Просто все помешались; в здравом уме таких вещей нельзя делать.

Миловзоров. Вы это про кого?

Коринкина. Про публику, про вчерашний спектакль. Ну, что такого особенного в Кручининой, чтобы так бесноваться? Ну, скажи? Я тебя спрашиваю, что в ней особенного?

Миловзоров. Тонкая французская игра.

Коринкина. Дурак! Убирайся от меня! Зачем вы ходите ко мне в уборную? Чтобы глупости говорить. Так я этого не желаю. Ведь ты меня злишь, злишь нарочно.

Миловзоров. Разве же я не могу свое мнение иметь?

Коринкина. Конечно, не можешь, потому что ты ничего не понимаешь. Да это и не по-товарищески. Пусть публика с ума сходит, а вам что! У вас есть своя актриса, которую вы должны поддерживать. Вы ни меня, ни моего расположения ценить не умеете. И ты-то, ты-то! Кажется, должен бы...

Миловзоров. Ах, мой друг, я очень, очень чувствую ваше расположение.

Коринкина. Я тебя и манерам-то выучила. Как ты себя держал? Как ты стоял, как ты ходил? Ну, что такое ты был на сцене? Цирюльник!

Миловзоров. Я вам благодарен; но зачем же такие выражения? Это резко, мой друг. (Хочет поцеловать руку у Коринкиной.)

Коринкина. Что за нежности! Поди прочь от меня! (Встает.) Ничего нет особенного, ничего. Чувство есть. Что ж такое чувство? Это дело очень обыкновенное; у многих женщин есть чувство. А где ж игра? Я видала французских актрис, ничего нет похожего. И досадней всего, что она притворяется; скромность на себя напускает, держится, как институтка, какой-то отшельницей притворяется... И все верят – вот что обидно.

Миловзоров. Скромности у ней отнять нельзя.

Коринкина. Опять заступаться? Нет, уж ты про ее скромность рассказывай кому-нибудь другому, а я ее похождения очень хорошо знаю.

Миловзоров. И я знаю.

Коринкина. Что же ты знаешь?

Миловзоров. Да, вероятно, то же, что и вы. Мне Нил Стратоныч рассказывал.

Коринкина. Хорош! С меня взял клятву, что я молчать буду, а сам всем рассказывает. Да и отлично; пусть его болтает, и я молчать не намерена; очень мне нужно чужие секреты беречь!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Миловзоров. Да ведь уж это давно было; а после того она...

Коринкина. Что «после того она»? Нет, ты меня выведешь из терпения. Неужели вы все так глупы, что ей верите? Это смешно даже. Она рассказывает, что долго была за границей с какой-то барыней, и та оставила ей в благодарность за это свое состояние. Ну, какой чурбан этому поверит? С барином разве, а не с барыней. Вот это похоже на дело. Мы знаем, есть такие дураки, и обируют их. А то с барыней! Оставляют барыни состояние за границей, это сплошь да рядом случается, да только не компаньонкам. А коли у ней деньги, так зачем она в актрисы пошла, зачем рыщет по России, у нас хлеб отбивает? Значит, ей на месте оставаться нельзя, вышла какая-нибудь история, надо ехать в другое; а в другом – другая история, надо – в третье, а в третьем – третья.

Миловзоров. Она много добра делает, я слышал.

Коринкина. Для разговору. С деньгами-то можно себя тешить. Она вон и за Незнамова просила. А для чего, спросите у нее? Так, сама не знает. Она-то уедет, а мы тут, оставайся с этим сахаром.

Миловзоров. Жаль, что она едет-то скоро, а то бы он показал ей себя.

Коринкина. Да это можно и теперь; у меня со вчерашнего дня сидит мысль в голове. Только положиться-то ни на кого из вас нельзя.

Миловзоров. Ах, зачем же такие слова, мой друг. Я для вас все, что угодно...

Коринкина. Ну, смотри же! Честное слово?

Миловзоров. Благородное, самое благородное.

Коринкина. Слушай, я хочу попросить Нила Стратоныча, чтобы он пригласил Кручинину к себе сегодня вечером; ведь спектакля у нас нет. Пригласим и Незнамова, подпоим его хорошенько; а там только стоит завести его, и пойдет музыка.

Миловзоров. Да Незнамов, пожалуй, не поедет к Нилу Стратонычу; он дичится общества.

Коринкина. Ну, уж я умаслю как-нибудь. А ты прежде подготовь его, дай ему тему для разговора. Распиши ему Кручинину-то, что тебе жалеть ее. Ведь уж тут вертеться, мой милый, нельзя; я должна знать наверное: друг ты мне или враг.

Миловзоров. С ним разговаривать-то немножко страшно, он сильнее меня.

Коринкина. Ну, уж это твое дело. Как же ты осмеливаешься играть драматических любовников, если ты боишься пожертвовать собой, хоть раз в жизни, для меня, за все, за все...

Миловзоров. Ну, хорошо, мой друг, хорошо.

Коринкина. Ты только вообрази себе, какой это будет спектакль! Что за прелесть!

Дудукин за дверью: «Можно войти?»

Коринкина. Да, конечно, что за вопрос! (Тихо Миловзорову.) Отойди!

Входит Дудукин.

Явление второе
Коринкина, Миловзоров и Дудукин.

Миловзоров. Здравствуй, Нил. (Вынимает у Дудукина из бокового наружно кармана портсигар, достает несколько папирос и кладет в свой, на что Дудукин не обращает никакого внимания.)

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Дудукин (Коринкиной). Как ваше здоровье, моя прелесть? Вы вчера были как будто расстроены?

Коринкина. С чего вы взяли! Я совершенно здорова.

Дудукин. Ну, тем лучше, тем лучше. Очень рад.

Миловзоров. У тебя запас большой?

Дудукин. Бери, сделай милость, без церемонии.

Миловзоров. Когда же я с тобой, Нил, церемонюсь; ты меня обижаешь (кладет обратно Дудукину в карман портсигар.)

Дудукин (Коринкиной). Позвольте вашу белоснежную ручку прижать к моим недостойным губам. (Целует руку Коринкиной.)

Коринкина. Я-то здорова, Нил Стратоныч, совершенно здорова; вот вам бы с доктором посоветоваться не мешало. Я за вас серьезно опасаться начинаю.

Дудукин. Что так? Нет, я, грех пожаловаться, никакого изъяна в себе не замечаю.

Коринкина. Я боюсь, что вы окончательно с ума сойдете. Не болят руки-то после вчерашнего?

Дудукин. А, понимаю, понимаю. Восторгался, в экстаз приходил. Да ведь уж и игра! Ну, вот скажи, Петя; вот ты сам был на сцене. В сцене с тобой, например?

Миловзоров. Со мной, Нил, всякой актрисе легко играть. У меня жару много.

Дудукин. Жару? Однако ты вчера два раза так соврал, что чудо.

Миловзоров. Ах, Нил, я горяч, заторопишься, ну и невольно с языка сорвется.

Дудукин. А как ты иностранные слова произносишь! Уж бог тебя знает, что у тебя выходит.

Миловзоров. Роли плохо переписывают. Да для кого, Нил, стараться-то? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другие-то! Им что ни скажи, все равно. Ведь у нас какая публика-то!

Дудукин. Ну, уж зато кто понимает, так даже в изумление приходят. Думаешь, боже ты мой милостивый, откуда только он берет такие слова! Ведь разве только в ирокезском языке такие звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся!

Миловзоров. Ну, вот еще. Ты, Нил, прав: не ты один, и другие мне то же говорили; да знаешь, жалованье небольшое, так не стоит очень стараться-то.

Дудукин. А вы, красота моя неописанная, не извольте гневаться. Я изящное люблю во всех видах. У людей со вкусом отношение к изящному совсем другое, особенное, совсем не то, что к живой красоте. Тут ревность неуместна.

Коринкина. Да кто вам сказал, что я ревную! Я вам сейчас докажу противное!

Дудукин. Доказывайте, мое блаженство!

Коринкина. Вы восхищаетесь Кручининой, подаете ей венки, собираете деньги на подарок – вы думаете, это ей нужно? Всего этого она видала много. А вот догадки у вас нет, как доставить ей удовольствие. Она живет в дрянной гостинице, в грязном номере, сегодня спектакля нет: что она будет делать дома вечером? Придут к ней два-три поношенных театрала с своими, извините, глупыми восторгами, – вы думаете, это весело? Вы ее не познакомили с обществом, да и с артистами она видится только на репетиции; что бы вам нынче у себя вечер устроить с хорошим ужином и пригласить ее, только чтобы общество было избранное. Вы пригласите кого-нибудь из знакомых; а артисты уж это дело мое, я знаю, кого пригласить. Нравится вам моя мысль? Похоже это на ревность?..

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Дудукин. О нет, какая ревность! Вот это идея, идея! Merci, мое сокровище! Как это: женский ум... женский ум?..

Миловзоров. Женский ум лучше всяких дум.

Дудукин. Вот что правда, то правда! И как это мне в голову не пришло, я, Петя, полагаю, что мы неблагодарны, что мало мы у женщин ручки целуем.

Входит Шмага в новом пальто и в шляпе на ухо. Раскланивается.

Явление третье
Коринкина, Миловзоров, Дудукин и Шмага.

Шмага (Дудукину). Меценату, просвещенному покровителю искусств и всяких художеств! Ну-ка, меценат, одолжите сигарочку!

Дудукин. Из каких тебе?

Шмага. Да уж я постоянно один сорт курю.

Дудукин. Какие же?

Шмага. Чужие.

Дудукин дает ему сигару, которую Шмага завертывает в бумажку и кладет в карман.

Это после, за завтраком.

Миловзоров. Шмага, ты не видал Незнамова? Будет он на репетиции?

Шмага. Кто ж его знает! Я не нянька его.

Коринкина. Вы, кажется, такие неразрывные были.

Шмага. Чего на свете не бывает. И мужья с женами расходятся, а не то что друзья.

Дудукин. Вот чудо-то! Какая кошка между вами пробежала?

Шмага (важно). В убеждениях не сошлись.

Коринкина. Вы не смешите! Ну какие у вас с Незнамовым убеждения?

Дудукин. В самом деле, Шмага, что-то я у тебя прежде убеждений не замечал.

Шмага. Напрасно; убеждения у меня есть твердые. Вчера у меня, сверх всякого ожидания, деньги завелись, так, бешеные набежали, с ветру.

Миловзоров. Да, видим, видим, что ты в обновке.

Шмага. Мое убеждение такое, что надо их непременно пропить поскорее. А вы говорите, что у меня нет убеждений. Чем это не убеждение? И я убеждал Гришку отправиться в трактир «Собрание веселых друзей». Но убеждения мои не подействовали.

Дудукин. Отказался? Неужели?

Коринкина. Да это он сказки рассказывает.

Шмага. И не только отказался, но оскорбил меня словесно и чуть-чуть не нанес оскорбления действием; немножко бог помиловал. Конечно! Гришка погиб для нашего общества!

Миловзоров. Для какого?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Шмага. Для «Собрания веселых друзей». Я потерял лучшего своего друга.

Дудукин. Да что с ним случилось?

Шмага. Очень просто: нить в жизни потерял.

Миловзоров. Как это нить потерял? Какую нить?

Шмага. Ну, вот еще, какая нить! У всякого своя нить. Ты вот любовник и на сцене, и в жизни, ты свою нить и тянешь, и нам надо было свою тянуть.

Коринкина. В «Собрании веселых друзей»?

Шмага. Конечно. Как человек нить потерял, так пропал. Ему и по заведенному порядку следует в трактир идти, а он за философию. А от философии нападает на человека тоска, а хуже тоски ничего быть не может.

Дудукин. Незнамов – и за философию!.. странно.

Коринкина. Что его сглазили, что ли?

Шмага. Сглазили.

Коринкина. Кто же?

Шмага. Приезжая знаменитость.

Коринкина. Да ты врешь. Пошел вон!

Шмага. Нет, уж это верно.

Коринкина. Миловзоров, это надо принять к сведению.

Миловзоров. Примем.

Шмага. Конечно... Прощай, голубчик! Нить потерял.

Миловзоров. А ты не теряешь?

Шмага. Еще бы. Что мне за расчет! Вот я хочу к меценату обратиться с предложением услуг.

Дудукин. Благодарю. Каких услуг, мой друг?

Шмага. Я подозреваю, что у вас есть намерение угостить нас, первых сюжетов, завтраком; по этому случаю вы мне дадите денег; а уж я, так и быть, услужу вам, схожу куплю пирогов, колбаски, икорки и прочего.

Коринкина. Только, пожалуйста, не здесь.

Шмага. Ну, вот еще! Завтрак для первых сюжетов, так мы и пойдем туда, где первые сюжеты одеваются.

Миловзоров. Куда ж это?

Шмага. Наверх, на чердак, в общую, где статистам бороды наклеивают.

Дудукин. Услужи, послужи! Подожди немного на сцене, я только повидаюсь с Еленой Ивановной.

Миловзоров. Да коли увидишь Незнамова, так пошли его сюда.

Шмага (показывая на сцену). Да вон он!

Дудукин и Шмага уходят.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Коринкина (у двери). Незнамов, зайдите на минуту!

Незнамов входит.

Явление четвертое
Коринкина, Миловзоров и Незнамов.

Незнамов. Что вам угодно?

Миловзоров. Здравствуй, Гриша!

Незнамов. Здравствуй!

Коринкина. Что вы от нас бегаете?

Незнамов. От кого: «от нас»?

Коринкина. Ну, от меня.

Незнамов (окидывая ее глазами). Да я никогда при вас и не состоял. Этого счастья удостоен не был.

Коринкина. Кто ж виноват! Вы сами не хотели; вы такой нелюбезный. Не ждете ли вы, что женщины за вами будут сами ухаживать? Хоть это и бывает, да очень редко. Надо, чтоб вы сами...

Незнамов. Не могу. Я в эту должность не гожусь.

Коринкина. В какую?

Незнамов. Ни в пажи, ни в Амишки. Это вот уж их дело. (Указывая на Миловзорова.) Что же вам угодно от меня?

Коринкина. Ах, да ничего особенного; только не будьте таким букой, не удаляйтесь от нашего общества. Ну, что вам за компания Шмага!

Незнамов. Позвольте, позвольте! Шмагу не трогайте. Во-первых, он весел и остроумен, а вы все скучны; во-вторых, он хоть дрянь, но искренен: он себя за дрянь и выдает; а вы все, извините меня, фальшивы.

Коринкина. Ах, боже мой, я и не говорю, что мы святые; и у нас есть недостатки: и фальшь, и все, что вам угодно. Да простите нам их, как вы прощаете Шмаге; не судите нас строго!

Незнамов. Простите, не судите. Не хочу я ни судить, ни прощать вас; что я за судья! Я только сторонюсь от вас и буду сторониться, потому что вы сейчас же поставите меня в дураки и насмеетесь надо мной.

Коринкина. Ах, что вы, что вы!

Миловзоров. Ах, Гриша! Зачем такая недоверчивость, мамочка!

Незнамов. В два голоса принялись!

Коринкина. Вы такой милый и водитесь с Шмагой.

Незнамов. Милый? Давно ли? Что вы мне поете? Ведь вы меня не любите.

Коринкина. То есть... не любила.

Незнамов. А теперь полюбили?

Коринкина. Уж вы многого захотели! Разве так прямо спрашивают! (Смеется.) При свидетелях я не признаюсь.

Незнамов. Ну, я как-нибудь вас без свидетелей поймаю.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Коринкина. Тогда другое дело.

Незнамов. Говорите ясней, говорите прямо! Что вам нужно?

Коринкина. Скажу, скажу... Только ведь я вас знаю, вы чудак и очень упрямый... Но на этот раз, пожалуйста, чтоб без отказа.

Миловзоров. Да, мамочка, уж сделай милость.

Незнамов. Да говорите!

Коринкина. Я не знаю, как и начать, уж очень боюсь вас. Вот видите ли, Нил Стратоныч звал нас сегодня на вечер.

Незнамов. Так что ж? Мне-то что за дело?

Коринкина. Нет, я боюсь, право, боюсь. Да уж рискну, была не была... Так вот: проводите меня к нему, оставайтесь с нами весь вечер и отвезите меня домой! Да ну, решайтесь! Ах, какой тюлень!

Незнамов. Что такое вы выдумываете!

Коринкина. Ну, голубчик, ну, милый Незнамов.

Миловзоров. Да какой Незнамов! Просто Гриша.

Коринкина. Ну, Гриша! Милый, сделай для меня это удовольствие! (Обнимает и целует Незнамова.)

Незнамов. Что вы! Что вы! Это что еще за новости?

Коринкина. От души, голубчик, от души.

Незнамов. Ну, коли от души, так другое дело. А он-то? Ведь он у вас постоянный, бессменный...

Коринкина. Он другую даму провожает; да он уж и надоел мне.

Незнамов. Ну, что ж, извольте: я сегодня свободен. Только ведь там скучно.

Коринкина. Мы постараемся развлечь вас. Вот это мило! Вот за это душка! (Делает ручкой и уходит на сцену.)

Явление пятое

Незнамов и Миловзоров.

Незнамов. Что это за комедия? Скажи, пожалуйста!

Миловзоров. Никакой комедии, мамочка, все очень просто.

Незнамов. Да зачем именно я ей понадобился? Разве она не могла взять кого-нибудь другого?

Миловзоров. Кого же? Из резонеров или комиков? Разве можно на них рассчитывать? Они и сами не знают, что будет с ними к вечеру. А может быть, мамочка, это женский каприз. Им часто приходит в голову то, чего и не ожидаешь.

Незнамов. Каприз! Не люблю я капризов-то.

Миловзоров. Ах, мамочка, да разве бывают женщины без капризов!

Незнамов. Да ты-то почему это знаешь? Много ли ты женщин видел? И каких? Ты судишь об женщинах по водевилям, где у них, после каждого слова, улыбка к публике и куплет. Что такое нынче у Нила Стратоныча?

Миловзоров. Ничего особенного. Будет бомон и артисты; всё свои люди; Кручинина

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
будет.

Незнамов. Кручинина? Что ж ты мне прежде не сказал?

Миловзоров. Да об чем говорить-то! Что тут такого необыкновенного, что надо
особо докладывать?

Незнамов. А как ты думаешь: Кручинина обыкновенная женщина или нет?

Миловзоров. Актриса, вот и все.

Незнамов. Да актриса-то обыкновенная?

Миловзоров. Публике нравится.

Незнамов. А тебе?

Миловзоров. Говорят, Сара Бернар лучше.

Незнамов. Говорят! А сам-то ты уж ни глаз, ни смыслу не имеешь? Ну, так я тебе
скажу: она и артистка необыкновенная и женщина необыкновенная.

Миловзоров. Артистка – пожалуй! Ну, а женщина... (Улыбается и пожимает плечами.)

Незнамов (строго). Что женщина? Договаривай!

Миловзоров. Я думаю, такая же, как и все.

Незнамов. Ведь ты меня знаешь; я на похвалы не очень щедр; а я тебе вот что
скажу: я только раз поговорил с ней, и все наши выходки, молодечество, ухарство,
напускное презрение к людям показались мне так мелки и жалки, и сам я себе
показался так ничтожен, что хоть сквозь землю провалиться. Мы при ней и
разговаривать-то не должны! А стоять нам, дурачкам, молча, опустя голову, да
ловить, как манну небесную, ее кроткие, умные речи.

Миловзоров. Нет, я со всеми развязен.

Незнамов. О, несчастный!

Миловзоров. Ведь это философия, мамочка!

Незнамов. Замолчи! Сочти так, что ты не слышал моих слов, что я с этой стеной
разговаривал. Ты не знаешь, долго ли Кручинина здесь пробудет?

Миловзоров. Я полагаю, что она скоро уедет.

Незнамов. Почему?

Миловзоров. Да так: открылись некоторые обстоятельства, старые грешки.

Незнамов. Я тебе приказываю говорить об этой женщине с уважением. Слышишь?

Миловзоров. Я бы рад говорить с уважением, если тебе это приятно; но всех
молчать не заставишь; я повторяю только чужие слова.

Незнамов. Вы сами же сочинили какую-нибудь гадость, да и расславляете везде. Я
вас знаю, вы на это способны. Ты скажи всем, что я обижать ее не позволю, что я
за нее...

Миловзоров. Прибьешь? От тебя, мамочка, только того и жди.

Незнамов. Нет, не прибью..

Миловзоров. Не прибьешь, помилуешь?

Незнамов. Я убью до смерти.

Миловзоров (с испугом). Ну, вот, мамочка! Как же можно с тобой разговаривать? Ну

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru тебя! Оставь меня, не спрашивай. Я уйду.

Незнамов. Нет, стой! Ты начал, так договаривай! Только говори правду, одну правду!

Миловзоров. Вот ты сам, мамочка, заставляешь; а начни я говорить, так ты опять...

Незнамов. Нет, говори, говори! Мне нужно знать все. От этого зависит... Не поймешь ты, вот чего я боюсь. Ведь я круглый сирота, брошенный в омут бессердечных людей, которые грызутся из-за куска хлеба, за рубль продают друг друга; и вдруг я встречаю участие, ласку – и от кого же? От женщины, которой слава гремит, с которой всякий считает за счастье хоть поговорить! Поверишь ли ты, поверишь ли, я вчера в первый раз в жизни видел ласку матери!

Миловзоров. Мамочка, это увлечение. Ты, Гриша, влюблен?

Незнамов. Нет, я вижу, что с тобой говорить невозможно. Да вылезь ты из своего дурацкого ампула хоть на минуту! Это не любовь, это благоговение.

Миловзоров. Ты говоришь, что в первый раз узнал ласку матери? Вот в этом-то ты и ошибаешься.

Незнамов. Что такое? Что за вздор ты говоришь?

Миловзоров. Любовь матери ты можешь искать где угодно, но только не у нее.

Незнамов. Не испытывай ты моего терпения!

Миловзоров. Ее главным образом и обвиняют в том, что она бросает своих детей.

Незнамов. Как бросает?

Миловзоров. Вот здесь, например, несколько лет тому назад она бросила своего ребенка на произвол судьбы и уехала с каким-то баринном. Да говорят, это бывало с ней и не один раз.

Незнамов. Кто же ее обвиняет?

Миловзоров. Да все, мамочка. Да чего лучше! Спроси у Нила Стратоныча, он говорил с ней об этом предмете, и она сама ему призналась.

Незнамов. Стой, стой! Это невозможно; нет, это на нее не похоже. У нее в голосе, в разговоре, в манере такая искренность, такая сердечность.

Миловзоров. А ты и растаял, распустил губы-то? Актриса, хорошая актриса.

Незнамов. Актриса, да... но я все-таки тебе не верю...

Миловзоров. Я и уверять не стану; как хочешь!

Незнамов (задумывается). Актриса! актриса! Так и играй на сцене. Там за хорошее притворство деньги платят. А играть в жизни над простыми, доверчивыми сердцами, которым игра не нужна, которые правды просят... за это казнить надо... нам обмана не нужно! Нам подавай правду, чистую правду! Актриса! (Задумывается.) Где شماга?

Миловзоров. Наверху, в уборной, водку пьет.

Незнамов. Хорошее это занятие. О, как бы я желал, чтобы все это оказалось вздором!

Миловзоров. А если правда?

Незнамов. Ну, тогда я сумею наказать себя за глупую доверчивость; да и еще кой-кому достанется! (Уходит.)

Входит Коринкина.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Явление шестое
Миловзоров, Коринкина, потом Кручинина.

Коринкина. Уходи! Сюда идет Кручинина, она хочет отдохнуть. Что Незнамов?

Миловзоров. Подействовало.

Коринкина. То-то он вышел, как в воду опущенный. Значит, вечером будет спектакль.

Миловзоров. Да, этот вечер будет с финалом; Незнамов эффекты всегда к концу приберегает. (Уходит.)

Входит Кручинина.

Коринкина. Пожалуйста! Я уезжаю. Уж извините, у нас все уборные плохи! В моей хоть отдохнуть можно; а в других повернуться негде.

Кручинина. Да, у меня неудобно и дует очень.

Коринкина. Здесь все-таки и знакомых принять можно.

Кручинина. Мне некого.

Коринкина. Как знать! У нас ведь постоянно на сцене публика толчется, случается, что и зайдет кто-нибудь! Так до свидания у Нила Стратоныча! За вами Миловзоров заедет.

Кручинина. Да, я уж просила его.

Коринкина подает руку и уходит. Кручинина садится к столу, вынимает роль и читает. Входит Муров.

Явление седьмое

Кручинина и Муров. Кручинина оборачивается, встает со стула и на поклон Мурова молча кланяется.

Муров (с улыбкой). Муров, Григорий Львович! Честь имею представиться. (Кланяется.) Я вчера два раза заезжал к вам в гостиницу, но не имел счастья заставить. Третьего дня я был в театре; говорить о том впечатлении, которое ваша игра производит на зрителей, я не стану. Это вам и без меня известно, но я был поражен еще необыкновенным сходством, которое вы имеете с одной женщиной, мне когда-то знакомой.

Кручинина. Что же вам угодно?

Муров. Я желаю знать, ошибаюсь я или нет. Театральное освещение, румяна, гримировка – все это так изменяет физиономию, что можно найти сходство и там, где его нет.

Кручинина. Ну, вот я теперь без гримировки. Что же вы находите?

Муров. Я изумлен еще более. Такой игры природы не может быть. Когда смотришь на вас, или надо не верить глазам своим, или, извините, нельзя удержаться от вопроса.

Кручинина. Спрашивайте!

Муров. Вы Любовь Ивановна Отрадина?

Кручинина. Да, я Любовь Ивановна Отрадина.

Муров. Но откуда вы явились, где вы были до сих пор, что делали, как поживали?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Кручинина. Я так полагаю, что вам этого ничего знать не нужно; потому что до вас это нисколько не касается.

Муров. Но откуда ж у вас это имя? Зачем вы явились сюда под чужой фамилией?

Кручинина. Я поступила на сцену, начала новую жизнь, потому и переименовала фамилию; это обыкновенно так делается. Я взяла имя и фамилию моей матери. Вы кончили ваши вопросы?

Муров. Вы желаете поскорей отделаться от меня, прекратить разговор и указать мне дверь.

Кручинина. Нет, я жду, когда вы кончите спрашивать.

Муров. Я кончил.

Кручинина. Ну, теперь я вас спрошу. Где мой сын, что вы с ним сделали?

Муров. Да ведь уж я вам писал, что он умер. Разве вы моего письма не получили?

Кручинина. Нет, получила, но вы меня обманули. Он выздоровел, и когда вы мне писали об его смерти, он был жив.

Муров. Если вы это знали, отчего вы не приехали и не взяли его?

Кручинина. Я узнала только вчера. А тогда я не могла приехать, я была очень больна: меня увезли полумертвую. Вы это знали хорошо. Зачем вы меня обманули?

Муров. Один поступок всегда влечет за собой другой. Я боялся, что вы вернетесь, пойдет разговор, может дойти до моей жены и на первых порах рассорит нас.

Кручинина. Ну, это все равно; дело кончено. Куда вы дели моего ребенка? Говорите только правду, я сама кой-что знаю.

Муров. Мы нашли очень хороших, достаточных людей; я им передал сына своими руками и, отдавая, надел тот медальон, который вы мне оставили.

Кручинина. Так он цел, он у него? Там его золотые волосы, там я и записку положила.

Муров. Какую записку?

Кручинина. Так, маленькую. Я записала день его рождения.

Муров. И больше ничего?

Кручинина. Уж теперь не помню.

Муров. Я этого не знал; я думал, что это так, золотая безделушка, не представляющая никакого документа. Ну, да это все равно. Добрые люди обещали мне никогда не снимать с него медальона. Они, вероятно, считали его за какой-нибудь талисман или амулет, имеющий таинственную силу, или за ладанку, которую надевают детям от грыжи.

Кручинина. Что же дальше?

Муров. Они его растили, учили, воспитывали, а сами богатели. Расширили свою торговлю, завели в нескольких губернских городах большие магазины, выстроили себе большой дом, уж не помню хорошенько где – в Сызрани, в Ирбите или в Самаре; нет, кажется, в Таганроге, и переехали туда на житье.

Кручинина. Давно ли это было?

Муров. Лет восемь тому назад.

Кручинина. А потом вы имели о нем сведения?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Муров. Нет. Они просили меня прекратить все сношения с ними. Мы, дескать, воспитали его, он носит нашу фамилию и будет нашим наследником, так уж оставьте нас в покое. Да и в самом деле, если рассуждать здраво, чего лучше можно ожидать для ребенка без имени. Я мог вполне успокоиться; его участь завидная.

Кручинина. Фамилия этого купца?

Муров. Я уж забыл. Не то Иванов, не то Перекусихин; что-то среднее между Ивановым и Перекусихиным, кажется, Подтоварников. Если вам угодно, я могу собрать справки. Сегодня же я увижу одного приезжего, который знает всех купцов во всех низовых городах, и сегодня же передам вам. Ведь вы будете у Нила Стратоныча?

Кручинина. Да, буду.

Муров. Можно сказать вам еще несколько слов, вы позволите?

Кручинина. Говорите!

Муров. За огорчение, которое я вам причинил, я был наказан жестоко: покойная жена моя сумела из моей жизни сделать непрерывную пытку. Но я все-таки не помяну ее дурным словом; это наказание я заслужил, и притом же она оставила мне огромное состояние. После моей безотрадной жизни, когда я опять увидел вас, старая страсть запылала во мне. Я ведь не юноша, не преувеличиваю своих чувств и научился взвешивать выражения; если я говорю, что запылала, так, значит, действительно запылала, и другого слова для выражения моего чувства нет. Тут только я понял, какое счастье я потерял; это счастье так велико, что я не остановлюсь ни перед какими жертвами, чтоб возратить его. Вы победили меня, разбили окончательно. Я прошу пощады, прошу мира. Заключимте мир! Я побежденный, вы имеете право диктовать мне условия; я приму их с покорностью, беспрекословно.

Кручинина. Как горько это слышать! Вы не даете никакой цены свежему, молодому чувству простой любящей девушки и готовы унижаться перед женщиной пожившей, которой душа уж охладела, из-за того только, что она имеет известность!

Муров. Но, Люба, неужели не осталось в тебе ни одной искры прежнего чувства?

Кручинина. Здесь нет Любы; перед вами Елена Ивановна Кручинина.

Муров. Твое чувство было так богато любовью, так расточительно!

Кручинина. Я разучилась понимать такие слова.

Муров. Извините! Я знал женщину; теперь передо мной актриса. Я буду говорить иначе. Не угодно ли вам будет посетить меня в моем имении? Не угодно ли вам будет там остаться и быть хозяйкой? Наконец, не угодно ли вам быть госпожою Муровой?

Кручинина. На все ваши вопросы я вам буду отвечать тоже вопросом. Где мой сын? И пока я его не увижу, другого разговора между нами не будет. Мне пора на сцену. (Уходит.)

Муров. До свиданья. (Идет за Кручининой.) Я терпелив и надежды не теряю никогда. (Уходит.)

Входит Незнамов, мрачный, останавливается у двери и пристально смотрит на сцену.

Явление восьмое
Незнамов, потом Шмага.

Незнамов (у двери). Шмага, Шмага, поди сюда! Поди сюда, говорят тебе!

Шмага за дверью: «Бить не будешь?»

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Да не буду, очень мне нужно об тебя руки марать!

Шмага входит, Незнамов берет его за ворот.

Говори, говори! Что там шепчутся, что говорят обо мне?

Шмага. Постой, не души! Отпусти на минутку, дай вздохнуть! Все скажу, всю правду скажу.

Незнамов (выпуская из рук Шмагу). Ну, говори!

Шмага. Что говорят-то? Да говорят глупости.

Незнамов. Это я знаю.

Шмага. А коли знаешь, за что ж сердисься!

Незнамов. Да ты не рассуждай, а говори, что слышал.

Шмага. Да я, признаться, и не слушал. Зачем слушать-то? Ведь, кроме глупости, я от них ничего не позаимствую; а этого у нас и дома много.

Незнамов. Да они что-то поминали меня и Кручинину и шептались.

Шмага. Да шепотом ли, вслух ли глупости говорить – разве это не все равно?

Незнамов. Да ведь они смеются. Это ужасно, это невыносимо! Ведь по крайней мере с моей-то стороны было искреннее, глубокое чувство. И зачем я рассказал!

Шмага. Ну вот то-то же.

Незнамов. И этот вечер у Нила Стратоныча, о котором они хлопчут! Нет ли тут интриги, нет ли какой-нибудь подлости? Не хотят ли они глумиться над женщиной, которая заслуживает всякого уважения?

Шмага. Уважения, ты говоришь?

Незнамов (хватаясь за голову). Ах, да я и сам не знаю, уважения или презрения.

Шмага. А не знаешь, так не водись ни с ними, ни с ней.

Незнамов. Постой! Представь себе, что человек бедный, самый бедный, который всю жизнь не видал в руках гроша, нашел вдруг груду золота...

Шмага. Превосходней ничего быть не может!

Незнамов. погоди! И вдруг эта грудка оказывается мусором. Что тогда?

Шмага. Да, если человек жаден, и золото очень мило ему показалось, так после такого превращения уж он непременно зацепит петельку на гвоздик, да и начнет вправлять туда свою шею.

Незнамов. Ну, так слушай!

Шмага (махнув рукой). философия пошла. Нет, Гриша, нет, ты меня своей философией не май, не томи!

Незнамов. Да ведь есть же разница между добром и злом?

Шмага. Говорят, есть какая-то маленькая; да не наше это дело. Нет, ты меня философией не донимай! А то я затоскую так же, как ты. Направимся-ка лучше в «Собрание веселых друзей».

Незнамов. О, варвары! Что они делают с моим сердцем! Но уж кто-нибудь мне ответит за мои страдания: или они, или она!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Идут к двери.

Действие четвертое

Лица

Кручинина.

Незнамов.

Коринкина.

Миловзоров.

Дудукин.

Шмага.

Муров.

Гости и прислуга.

Лунная ночь. Площадка в большом барском саду, окруженная старыми липами; на площадке скамейки и столики ясеневые, на чугунных ножках; на сцену выходит терраса большого дома, у террасы рабатки с цветами и вьющимися растениями. На террасу из дома стеклянная дверь и несколько окон; в доме полное освещение.

Явление первое

На одной скамейке сидят Незнамов и Миловзоров, на другой – Шмага; он смотрит то на луну, то по сторонам, вздыхает и принимает разные позы.

Миловзоров. Что ты, Шмага, вздыхаешь? Чем недоволен, мамочка?

Шмага. На луну сержусь.

Миловзоров. За что?

Шмага. Зачем она на меня смотрит? И какое глупое выражение! Точь-в-точь круглолицая, сытая деревенская девка, которая стоит у ворот, неизвестно чему рада, скалит зубы и во весь рот улыбается.

Миловзоров. Ты, мамочка, не понимаешь поэзии, а я сижу и про себя думаю: «Эка ночь-то!».

Шмага. Как бы хорошо в такую ночь...

Миловзоров. По Волге кататься?

Шмага. Нет, в трактире сидеть.

Миловзоров. Ну, что за вздор! В трактире хорошо зимой. На дворе вьюга или мороз, квартиры у нас, по большей части, сырые или холодные; в трактире светло и тепло.

Шмага. И весело.

Миловзоров. Ну, а летом там душно, мамочка.

Шмага. А ты вели окно открыть; вот тебе и воздух, и поэзия! Луна смотрит прямо тебе в тарелку; под окном сирень или липа цветет, померанцем пахнет...

Миловзоров. Это от липы-то?

Шмага. Нет, от графина, который на столе стоит. Петухи поют, которых зажарить еще не успели.

Миловзоров. Петухи! Проза, мамочка! Ты, вероятно, хотел сказать: соловьи.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Шмага. Да ведь это по деньгам глядя: много денег, так до соловьев просидишь, а мало, так только до петухов. Соловей зарю воспевает, попоет, попоет вечером да потом опять на заре защелкает; а петух полночь знает, это наш хронометр. Как закричит, значит, наш брат, бедняк, уходи из трактира, а то погонят. (Смотрит на луну и вздыхает.) Нет, вот мука-то, я вам доложу! Мы, изволите видеть, к богатому барину в гости приехали! А зачем, спрашивается! Природой любоваться? Сиди да гляди на луну, как волк в зимнюю морозную ночь. Так ведь и волк поглядит, поглядит, да и взвояет таково жалобно. Давай, Гриша, завоем в два голоса! Ты вой, а я подвывать стану с разными переливами; авось хозяин-то догадается.

Незнамов. Тебе, видно, не очень худо; ты еще шутить можешь, а мне, брат, скверно.

Шмага. Ну, и мне не легче.

Незнамов. Ты доберешься до буфета, у тебя и пройдет твое горе.

Шмага. А тебе кто ж мешает?

Незнамов. Мне это средство не поможет; пожалуй, хуже станет.

Миловзоров. Ну, не скажи, мамочка!

Шмага. А ты попробуй, чудак, попробуй!

Незнамов. Не проси; и то, кажется, попробую.

Шмага. Что ж это такое, в самом деле! Назвал человек гостей, а занять их не умеет.

Миловзоров. Ну, уж это ты напрасно, мамочка. Нил свое дело знает. Солидные люди у него играют в карты, молодые разговаривают с дамами.

Шмага. А актеры?

Миловзоров. Чем же актеров занимать? Они сами должны оживлять общество.

Шмага. Так ты прежде нас настрой как следует, подыми тон, придай фантазии, тогда мы и станем оживлять общество.

Миловзоров. Всему свой черед, мамочка. Теперь чай пьют; не хочешь чаю?

Шмага. Нет, уж это сами кушайте! (Вздыхает.)

Входит Коринкина.

Явление второе

Незнамов, Миловзоров, Шмага и Коринкина.

Коринкина. Господа, что же вы удаляетесь от общества? (Незнамову.) А вы что надувшись сидите, отчего нейдете к нам?

Незнамов. Зачем я вам понадобился?

Коринкина. Кручинина уж два раза про вас спрашивала. Она очень хорошо о вас отзывается.

Незнамов. Да хорошо ли, дурно ли, это мне все равно. Я вообще не люблю когда про меня разговаривают. Ах, уж оставили бы вы меня в покое. Точно у вас нет другого разговора!

Коринкина. Да что вы за недотрога! Уж и хорошо-то про вас не смей говорить. Кручинина находит, что у вас талант есть и много души.

Шмага. Ну, душа-то для актера, пожалуй, и лишнее.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Миловзоров. Для комиков – это так; но есть и другие амплуа.

Шмага. Да вот ты каждый день любовников играешь, каждый день в любви объясняешься; а много ль у тебя ее, души-то?

Миловзоров. Я нахожу, что для здешней публики достаточно, мамочка.

Шмага. Для публики достаточно, а для домашнего употребления, брат, мало.

Незнамов. Желал бы я знать, как настоящие великие артисты в обыкновенной жизни себя ведут? Неужели так же притворяются, как на сцене?

Коринкина. Вероятно. Много надо опытности, много надо пожить на свете чтобы выучиться отличать настоящее чувство от поддельного.

Незнамов. Так, значит, надо ждать, пока состаришься? А до тех пор все будут тебя обманывать да дураком звать. Покорно вас благодарю. Лучше совсем не верить никому.

Коринкина. Да, пожалуй, что так.

Шмага. Душа-то у Незнамова есть, это правда; да вот беда-то, смыслу-то у него мало; не знает он, куда ее деть, куда ее расходовать.

Незнамов. Это ты правду говоришь.

Шмага. А вот я хочу узнать, есть ли у вас душа, Нина Павловна?

Коринкина. Это что еще за глупость?

Шмага. Я согласен, что меня, актера Шмагу, можно в порядочный дом и не пускать; ну и не пускайте, я не обижусь. Но ежели пустили и тем более пригласили, то надо принять в соображение мой образ жизни и мои привычки. Если у вас есть душа, то распорядитесь...

Коринкина. Понимаю, понимаю. У меня есть душа, я уж давно распорядилась. Я затем и пришла, чтоб пригласить вас.

Шмага. Пришли с таким приятным известием и молчите до сих пор! Ну, хорошо, что я не умер от нетерпения, а то могло бы возникнуть уголовное дело. (Подходит к Незнамову.) Гриша! Брось философию-то, пойдём! Что нам природа: леса, горы, луна? Ведь мы не дикие, мы люди цивилизованные.

Незнамов. Действительно, брат, скучно. Ну, пойдём, цивилизованный человек. Пойдём в буфет! Пойдём туда, куда влечет меня мой жалкий жребий!

Коринкина (Миловзорову, тихо). Он, кажется, в ударе. Подогрейте его хорошенько!

Миловзоров. Постараюсь.

Идут все к дому; навстречу им выходят Кручинина и Дудукин.

Явление третье

Незнамов, Миловзоров, Шмага, Коринкина, Кручинина и Дудукин.

Кручинина. Куда же вы, господа? Вы не от меня ли бежите?

Коринкина. О, нет; они сейчас же вернутся; я их к вам приведу.

Шмага. Бывают в жизни артиста минуты, когда он стремительно спешит к своей цели, как из лука стрела. Остановить его – напрасный труд!

Кручинина. Когда же эти минуты бывают?

Шмага. Когда загремят ножами и вилками и скажут: закуска готова.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Незнамов. Пойдем! Довольно тебе паясничать!

Коринкина, Незнамов, Миловзоров и Шмага уходят в дом.

Дудукин. Когда Шмага заговорит о закуске, так до пафоса доходит; он возбуждает аппетит; мы за этим его и приглашаем.

Кручинина. Да, это тоже своего рода талант; но едва ли нужно поощрять такие способности.

Дудукин. Что ж делать! Жизнь-то у нас, в провинции, скучна очень, так будешь рад и Шмаге. Я ведь не проповедник; у меня правило: живи сам и жить давай другим. Вы еще не соскучились у нас, не надоело вам?

Кручинина. Да где ж веселее-то? Везде одно и то же. Но отсюда все-таки мне надо уезжать скорее.

Дудукин. Почему же?

Кручинина. Слишком много волнения я испытываю; здесь все напоминает мне мое печальное прошлое.

Дудукин. Прошлое пора позабыть.

Кручинина. Да уж я было и стала забывать, да вот попала случайно на родину, все и ожило в моей памяти.

Дудукин. Забудьте, забудьте! Пора вам пользоваться своей славой, своими успехами, пора успокоиться на лаврах.

Кручинина. И рада бы успокоиться, да не дают. Я чуть было не умерла вчера.

Дудукин. Неужели? Что же случилось?

Кручинина. Оказалось, что я была обманута самым безжалостным образом. Когда мне писали, что мой сын умер, он был жив, он выздоровел. Его отдали кому-то в приемыши.

Дудукин. Кому же?

Кручинина. Ничего неизвестно, никто не знает. У кого только можно было спросить, я спрашивала. Некоторые помнят, что действительно были какие-то приезжие купцы или мещане, а кто говорит, что и господа, что взяли ребенка и уехали; а куда – никто не знает. Так и следов не осталось.

Дудукин. Где ж теперь следов искать! Кому ребенок мешал, кому нужно было его спрятать, так уж, поверьте, спрятали хорошо.

Кручинина. Так вы думаете, что это сделано умышленно, что его хотели сбыть с рук?

Дудукин. Без сомнения. А то зачем же было писать вам, что он умер?

Кручинина. Да, конечно. Ну, вот видите ли... А вы все советуете успокоиться.

Дудукин. Да и думать-то об одном и том же что хорошего! Пользы никакой не будет, ничего не придумаете, а с ума сойти можно.

Кручинина. Да, можно, можно; я теперь понимаю, что даже легко сойти с ума.

Дудукин. А вы положитесь на судьбу! Коли суждено вашему сыну найтись, так он найдется.

Муров показывается на террасе.

А пока будем жить и веселиться! Жизнь для радостей дана.

Входит Муров.

Явление четвертое
Кручинина, Дудукин и Муров.

Муров. Там последний роббер кончили; новая партия составляется.

Дудукин. Извините! Я побегу, усажу господ играющих и сейчас же возвращусь.
(Уходит.)

Муров. Вы мне позволите побеседовать с вами?

Кручинина. Вы имеете что-нибудь сообщить мне?

Муров. Имею; но, к сожалению, известие не совсем приятное.

Кручинина. Ничего, говорите! Я приятными известиями не избалована.

Муров. Я видел того человека, о котором давеча говорил вам.

Кручинина. Что же вы узнали от него?

Муров. Что этот купец Простоквашин...

Кручинина. Вы, кажется, говорили: Иванов?

Муров. Я давеча ошибся, а потом вспомнил. Так вот-с что: купец Простоквашин вместе с приемышем своим, года три или четыре тому назад, уехали в Астрахань по своим торговым делам; оба там захворали какой-то заразительной болезнью и умерли.

Кручинина. Если это и правда, то ведь осталась вдова. Уж вам лучше сказать, что все умерли.

Муров. Нет, как можно! Зачем ей умирать! Помилуйте! Вдова осталась, непременно осталась.

Кручинина. Где ж она, что ж она?

Муров. А она, должно быть, с огорчения, вышла замуж за молодого человека, за своего приказчика.

Кручинина. Как ему фамилия?

Муров. Это неизвестно; впрочем, легко узнать: стоит только спросить, за кого вышла замуж вдова купчиха Непропекина.

Кручинина. Вы сейчас только сказали, что фамилия этого купца Простоквашин, а теперь уж Непропекин!

Муров. Как, неужели? Впрочем, спорить не смею; я очень часто перепутываю фамилии.

Кручинина. Теперь еще вопрос: во всем том, что вы мне говорили давеча и теперь, есть сколько-нибудь правды?

Муров (смеется). Вопрос категорический! Не сомневайтесь! Есть!

Кручинина. Что же именно?

Муров. Что сын ваш умер, что его давно нет на свете, и пора забыть все это дело.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Кручинина. Забывайте; я вам не мешаю.

Муров. Нет, я вам советую. Занимайтесь своим делом артистическим, благо оно идет у вас так успешно. Вы не семнадцатилетняя девочка; вам уж пора бросить сентиментальность, пора иметь рассудок и смотреть на жизнь серьезнее.

Кручинина. Как вы осмеливаетесь давать мне советы!

Муров. Вы меня сами вынудили. Вы тут ездите по городу, расспрашиваете, нашли какую-то полоумную старуху... Приятно ли мне это – подумайте! Я один из самых крупных землевладельцев, у нас скоро выборы, я баллотируюсь на видную должность, а вы тут заводите сплетни; так и жди какого-нибудь скандала.

Кручинина. Да какое мне дело до вас? Я ищу своего сына; мне запретить никто не может.

Муров. Вот что! Я еще раз предлагаю вам бросить всю эту мелодраму и помириться со мной на самых выгодных для вас условиях. А если не хотите, так по крайней мере уезжайте отсюда.

Кручинина. Я не хочу ни того, ни другого. Я обязана сыграть здесь еще два спектакля, и сыграю их, и уеду тогда, когда мне заблагорассудится.

Муров. Обязаны! Что за обязательства! Сборы здешние, что ли, вас очень прельщают? Так я вам заплачу, заплачу и антрепренеру.

Кручинина. Вы уж заплатили мне злом за добро, а за зло, которое вы мне сделали, у вас не хватит состояния заплатить мне. Я не так богата, как вы, а готова заплатить, что угодно, чтоб только не видеть вас, чтоб вы не встречались мне никогда. Я избегала вас, вы сами меня нашли.

Муров. Вот видите ли, я бы для вас и даром уехал отсюда, без всякой платы, да мне нельзя. Я здешний обыватель, здесь все мои интересы, а у вас что здесь? Только одни фантазии. Так фантазировать можно и во всяком другом месте. Послушайте, не ссорьтесь со мной! Вам это будет невыгодно: я человек сильный, у меня большая партия.

Кручинина. Я не боюсь вас. Я знаю, что вы способны на все; но хуже того, что вы сделали, вам уж не придумать.

Муров (пожимая плечами). Ну, как угодно.

Входит Дудукин.

Явление пятое

Кручинина, Муров и Дудукин.

Дудукин. Вот я и опять у ваших ног. Угодно вам погулять по саду?

Кручинина. Нет, здесь свежо. Я пойду в комнаты. Не провожайте меня, я и одна дорогу найду.

Дудукин. Ну, как вам угодно.

Кручинина уходит.

Муров. Нил Стратоныч, скажите, пожалуйста, этот молодой актер, которого я сейчас у вас видел, имеет способности?

Дудукин. Да, кажется. Жаль только, что поучиться ему не у кого, образцов не видит, так и застрянет в провинции. А теперь-то бы и учиться, пока молод.

Муров. Ну, на вид-то он не очень молод.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Дудукин. Беспорядочная жизнь, кутежи, бессонные ночи их рано старят.

Муров. А как вы полагаете, сколько ему лет?

Дудукин. Да лет двадцать с чем-нибудь, никак не больше.

Муров. Не может быть. Ему, я полагаю, под тридцать.

Дудукин. Почему вы спросили о нем?

Муров. Да уж очень он ведет себя развязно, громко говорит, судит решительно.

Дудукин. Ну, уж не взывайте! Это их манера, держать себя не умеют.

Муров. Беседку-то вы перестроили?

Дудукин. Перестроил, и эстраду для музыкантов выстроил.

Муров. А кто он, этот артист, и откуда?

Дудукин. Фамилия его Незнамов; а откуда он, кто ж его знает. Да что он вас интересуется?

Муров. Нет, я так спросил. В нем что-то такое есть. Видно, что он не простого происхождения.

Дудукин. Ну, происхождения-то своего он и сам не знает.

Муров. Напрасно вы их пускаете.

Дудукин. С ними как-то веселее. Да кому ж они мешают? Я не знаю, со мной они всегда очень учтивы.

Муров. С вами, этого мало. Надо, чтоб они со всеми были учтивы. Я ему заметил, что прежде молодые люди были гораздо почтительнее к старшим, а он имел дерзость возражать. Вероятно, говорит, старики прежде были умнее и почтнее. Глупый ответ. Так вы говорите, что ему лет двадцать?

Дудукин. Да, около того.

Муров. Вы пруд вычистили?

Дудукин. Вычистил и рыбы напустил, теперь и не узнаете.

Муров. Любопытно взглянуть.

Дудукин. Пойдемте!

Идут в глубину сада. Из дома выходит Коринкина, за ней Миловзоров.

Явление шестое
Коринкина и Миловзоров.

Миловзоров. Куда вы устремляетесь?

Коринкина. Нужно сказать несколько слов Нилу Стратонычу.

Миловзоров. Еще успеете.

Коринкина. Да ты что, в нежном настроении, что ли?

Миловзоров. Есть тот грех; теперь я и нежен, и красноречив, и умен, кажется, а вы от меня бежите.

Коринкина. Ну, да мало ль что? Ты представь, что мне теперь не до тебя. Что Незнамов, все скромничает?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Миловзоров. Нет, разрешил. Они с Шмагой так и не отходят от стола. Кругом их собралось большое общество; Шмага острит, а Незнамов всякого, кто чуть заважничает, вздумает говорить свысока или подтрунить над ними, так и режет, как бритвой. А кругом них публика так и грохочет. У них там пир горой, разлитое море. Тот говорит: «Со мной, господин Незнамов, выпьемте!» Другой говорит – со мной! А Шмага только приговаривает: «И я с вами за компанию».

Коринкина. Однако я тут толкую с тобой, а мне надо видеть Нила Стратоныча.

Миловзоров. Да вон он, кажется, сюда идет. Кручинина раза два заглядывала в столовую; слышит монологи Незнамова и назад.

Коринкина. Надо послать к ней Нила Стратоныча, а то она уедет, пожалуй. Я уж заметила, что она скучать начинает.

Входит Шмага.

Явление седьмое
Коринкина, Миловзоров и Шмага.

Шмага. Вот теперь наслаждаться природой можно. Теперь и луна поумней смотрит.

Миловзоров. А Незнамов где?

Шмага. Все там же.

Миловзоров. Что же ты, мамочка, его оставил?

Шмага. Поди ты к нему, коли тебе охота; он хоть и друг мне, а в такие минуты я стараюсь держать себя поодаль.

Миловзоров. Друг, а боишься; хорош, мамочка!

Шмага. Ну, сунься поди! Вон он идет; хочешь, натравлю?

Миловзоров. Нет, нет, мамочка, оставь, пожалуйста, оставь!

Входит Незнамов.

Явление восьмое
Коринкина, Миловзоров, Шмага и Незнамов.

Незнамов (Коринкиной). А! Вы здесь!

Коринкина. Здесь. Где же мне быть прикажете?

Незнамов. Да мне все равно. А все-таки я вас люблю, я влюблен в вас.

Коринкина. Покорно вас благодарю.

Незнамов. А вы меня любите?

Коринкина. А вы как думаете?

Незнамов. Да как думать? Почем я знаю.

Коринкина. Догадайтесь!

Незнамов. Ну, вот еще, очень нужно мне догадываться. Говорите прямо, начистоту!

Коринкина. Как же, дожидайтесь! Да с чего вы взяли так со мной разговаривать?

Незнамов. Отчего ж не разговаривать?

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Коринкина. Да не смейте, вот и все!

Незнамов. Сметь-то, положим, я смею. А знаете ли, ведь вы лучше того, чем я о вас думал.

Коринкина. А что же вы обо мне думали?

Незнамов. Спрашиваете?

Коринкина. Да, спрашиваю.

Незнамов. Я думал, что вы уж совсем никакого интереса не представляете; так все равно, что ничего.

Коринкина. Ах, боже мой! Скажите пожалуйста! Во-первых, милостивы государь, вы еще очень молоды, чтобы разбирать и ценить людей; вы еще мальчишка...

Незнамов. Да, это во-первых, а во-вторых что? Во-вторых-то и не скажете! Хотите, я научу?

Коринкина. Не нуждаюсь.

Незнамов. Да ведь не скажете. Женщина, когда рассердится, так воображает, что может наговорить ужасно много горьких истин. Начнет торжественно; «Во-первых», да в пяти словах все и выскажет; дальше содержания-то и не хватает. «Во-вторых», «во-вторых», а сказать-то нечего.

Коринкина. Ах, какой противный!

Незнамов. Но и тут они не теряются. Когда у них ни слов, ни соображения не хватает, так они браниться начинают. А во-вторых, скажут: «Ты дурак, невежа». Так, что ли?

Коринкина. Так точно. А во-вторых, ты невежа!

Незнамов. Вот за это мерси! Как вы натурально сердитесь, это хорошо.

Коринкина. А если в другой раз будете подобные глупости говорить, так будет еще натуральнее; я такую залеплю...

Незнамов. Отчего же в другой раз, а не теперь?

Коринкина. Не хочу, вот и все.

Незнамов. Нет, пожалуйста! Ну, я вас прошу. Ну, что вам стоит. Авось труд-то не велик.

Коринкина. Да у меня уж сердце прошло. Теперь это будет в шутку, а я хочу серьезно.

Незнамов. Ну, хоть в шутку.

Коринкина. Да что вы пристааете? Ну, вот вам! (Треплет Незнамова ласково по щеке.)

Незнамов. А! Так вы вот как! Ну, теперь берегитесь! Теперь я имею полное право...

Коринкина. Что еще? Какое право?

Незнамов. Поцеловать вас. Чем же еще я могу отплатить женщине за оскорбление?

Коринкина. Да что ты, с ума, что ль, сошел?

Незнамов. Да нет, уж кончено, какие тут разговоры.

Коринкина. Да что вы, Незнамов, что за глупости! Вон Нил Стратоныч идет.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Незнамов. Вот только разве Нил-то Стратоныч, а то бы!.. Ну, да ведь вместе
домой-то поедем.

Входит Дудукин.

Явление девятое
Коринкина, Миловзоров, Шмага, Незнамов и Дудукин.

Коринкина. Нил Стратоныч, что же вы Кручинину оставили; она, кажется, домой
сбирается.

Дудукин. Как домой! Нет, нет, без ужина нельзя. Удержите ее как-нибудь, мое
сокровище!

Коринкина. Да она меня не слушает.

Дудукин. Так пойдемте вместе ее уговаривать.

Коринкина. Пойдемте! Подождите минутку! (Обращаясь к Незнамову и Шмаге.)
Господа, за ужином и вообще при Кручининной, пожалуйста, не заводите никакого
разговора о детях.

Незнамов. О детях? Что такое? Почему?

Дудукин. Ах, да, да, да! Ни под каким видом, господа, ни под каким видом!

Незнамов. Ведь это странно! А если к слову придется? Ну, наконец, войдет мне в
голову такая фантазия?

Дудукин. Нет, уж я прошу вас в виде личного для меня одолжения. Я, как хозяин,
забочусь, чтобы не было ничего неприятного для моих гостей.

Незнамов. О детях нельзя; а о совершеннолетних можно?

Дудукин. Сделайте одолжение.

Шмага. Нет, Гриша, давай уж лучше о дедушках и бабушках говорить.

Незнамов (громко смеется). Ха-ха-ха! Именно! Ну, вы можете быть покойны: мы
будем говорить о таком возрасте, который очень далек от детского.

Дудукин и Коринкина уходят.

Что за новости, что за дикие распоряжения? Это какая-то новая игра? Ужин с
особой программой для разговора!

Миловзоров. Да разве ты забыл, мамочка, что я тебе давеча говорил?

Незнамов. Ах, да. Понимаю теперь. (Хватается за голову.)

Миловзоров. Значит, правда, а ты меня, мамочка, убить хотел.

Незнамов. Эка важность! Хоть бы и убили тебя! Ну, чего ты стоишь?

Шмага отходит довольно далеко.

Вот я очень бы доволен был, кабы меня убил кто-нибудь. Эй, Шмага, что ты бегаешь
от меня, чего ты боишься?

Шмага (издали). Учен, так и боюсь.

Незнамов. Поди сюда, болтай что-нибудь.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Шмага. Да что болтать-то? Остроумие что-то на вольном воздухе улетучиваться начинает, подбавить бы его нужно.

Незнамов. А вот погоди, мы подбавим. Надо, брат Шмага, пользоваться случаем. Не всегда нас с тобой приглашают в порядочное общество, не всегда обращаются с нами по-человечески. Ведь мы здесь такие же гости, как и все.

Шмага. Да, это не то, что у какого-нибудь «его степенства», где каждый подобный вечер кончается непременно тем, что хозяина бить приходится, уж без этого никак обойтись нельзя.

Незнамов. Да, здесь нам хорошо! А ведь мы с тобой ведем себя не очень прилично и, того гляди, скандал произведем. То есть скандал не скандал, а какой-нибудь гадости от нас ожидать можно.

Шмага. Похоже на то. Что ж делать-то! Из своей шкуры не вылезешь.

Выходят Дудукин, Кручинина, Коринкина; за ними два лакея: один с бутылками шампанского, другой со стаканами на подносе, и ставят вино и посуду на столах. Из глубины сада выходит Муров, из дома выходят гости, которые частью остаются на террасе, а частью располагаются отдельными группами на площадке сада.

Явление десятое

Незнамов, Миловзоров, Шмага, Дудукин, Кручинина, Коринкина и Муров, гости и лакеи.

Дудукин. Помилуйте, Елена Ивановна, в кои-то веки дождалась такого счастья, что видим вас в нашем обществе; ведь я о вашем посещении на стенке запишу золотыми буквами, а вы нас покидать собираетесь.

Кручинина. Я очень вам благодарна, Нил Стратоныч, и с удовольствием бы осталась, да не могу. Ведь только сегодня свободный вечер у меня, а то каждый день спектакль, мне отдохнуть нужно.

Дудукин. Да еще успеете, успеете и дома быть и отдохнуть; уделите нам хоть полчаса!

Кручинина. Не могу, Нил Стратоныч, не могу. Я вот прощусь с товарищами, найду своего кавалера и поеду.

Дудукин. Нет, нет, без надлежащих проводов мы все-таки вас не выпустим. Надо обряд исполнить как следует. Присядьте вот на диванчик! Вы распорядились, Нина Павловна?

Коринкина. Да, вот готово. (Лакеям.) Давайте!

Подают шампанское.

Кручинина. Это напрасно, Нил Стратоныч; я вина не пью, мне вредно.

Дудукин. Без этого нельзя; у нас почетных гостей всегда так провожают! Пожалуйте! Ну, хоть немножко, сколько можете.

Кручинина берет стакан вина.

Господа, пожалуйста, по стаканчику. Выпьем за здоровье Елены Ивановны.

Муров. Я охотно принимаю ваше предложение; я еще не успел поблагодарить Елену Ивановну за наслаждение, которое она нам доставила своим талантом.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Все берут стаканы.

Дудукин. Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглухшее стоячее болото нашей захолустной жизни. Господа, я риторики не знаю, я буду говорить просто. У нас, людей интеллигентных, в провинции только два занятия: карты и клубная болтовня. Так почтим же талант, который заставил нас забыть наше обычное времяпровождение. Мы спим, господа, так будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают нам о том идеальном мире, о котором мы забыли.

Голоса: «Браво, браво!»

Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами: с умом, с сердечной добротой, с душевной чистотой, он представляется нам уже таким явлением, перед которым мы должны преклоняться. Господа, выпьем за редкий талант и за хорошую женщину, Елену Ивановну!

Все чокаются стаканами с Кручининой и пьют.

Незнамов (чокнувшись с Шмагой). Шмага, мы выпьем за хорошую актрису, а за хороших женщин пить дело не наше. Да и кто их разберет, хорошие они или нет.

Дудукин. Незнамов, что вы!

Незнамов. Виноват.

Кручинина. Я за свои труды уже достаточно вознаграждена и нравственно и материально. Господа, честь, которую вы мне оказываете, я обязана разделить с моими товарищами. Господа, я предлагаю тост за всех служителей искусства, за всех тружеников на этом благородном поприще, без различия степеней и талантов!

Дудукин. Справедливо, прекрасно, благородно! Нина Павловна, Миловзоров, Незнамов, Шмага! За ваше здоровье!

Муров. За ваше здоровье, господа!

Шмага. Наконец-то и я сподобился, что за мое здоровье пьют.

Кручинина. Ну, теперь уж, Нил Стратоныч, я поеду, мне пора.

Незнамов. Нет, куда ж вы! Нет, позвольте! Так нельзя. Надо еще тост предложить. (Громко.) Эй! Дайте вина! Вы уж мне позвольте сказать несколько слов; я вас не задержу, не задержу. Мне только бы сказать то, что у меня на душе; не хочется, чтобы оно так оставалось.

Кручинина. Сделайте одолжение! Мне будет очень приятно послушать вас; да я надеюсь, что и всем тоже.

Незнамов. Господа, я получил позволение говорить и потому прошу не перебивать меня.

Дудукин. Говорите!

Миловзоров и Шмага. Говори, говори!

Незнамов. Господа, я предлагаю тост за матерей, которые бросают детей своих.

Дудукин. Перестаньте, что вы, что вы!

Кручинина (пораженная). Нет, говорите, говорите!

Незнамов. Пусть пребывают они в радости и веселии, и да будет усыпан путь их розами и лилеями. Пусть никто и ничто не отравит их радостного существования.

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru Пусть никто и ничто не напомнит им о горькой участи несчастных сирот. Зачем тревожить их? За что смущать их покой? Они все, что могли, что умели, сделали для своего милого чада. Они заплакали над ним, сколько кому пришлось, поцеловали более или менее нежно. И прощай, мой голубчик, живи, как знаешь! А лучше бы, мол, ты умер. Вот что правда, то правда: умереть – это самое лучшее, что можно пожелать этому новому гостю в мире. Но не всем выпадает такое счастье. (Склоняет голову и на мгновение задумывается.) А бывают матери и чувствительнее; они не ограничиваются слезами и поцелуями, а вешают своему ребенку какую-нибудь золотую безделушку: носи и помни обо мне! А что бедному ребенку помнить? Зачем ему помнить? Зачем оставлять ему постоянную память его несчастья и позора? Ему и без того каждый, кому только не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором. А знают ли они, как иногда этот несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливает слезами маменькин подарок? Где, мол, ты ликуешь теперь, откликнись! Урони хоть одну слезу на меня! Мне легче будет переносить мои страдания, мое отчаяние. Ведь эти сувениры жгут грудь.

Кручинина бросается к Незнамову и достает с его груди медальон.

Кручинина. Он, он! (Шатается и падает без чувств на диван.)

Все окружают ее.

Дудукин. Ах, боже мой, она умирает! Доктора, доктора! Вы ее сын. Вы убили ее!

Незнамов. Я ее сын?

Дудукин. Да. Сколько лет она искала вас! Ее уверили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видела вас в своих мечтах, разговаривала с вами.

Незнамов. У ней не было других детей?

Дудукин. Что вы, что вы!

Незнамов. А как же мне сказали? Господа, зачем же вы меня обманули?

Коринкина. Тише, тише, она приходит в себя.

Незнамов. Господа, я мстить вам не буду, я не зверь. Я теперь ребенок. Я еще не был ребенком. Да, я ребенок. (Падает на колени перед Кручининой.) Матушка! Мама, мама!

Кручинина (приходя в себя). Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама!

Незнамов. Я здесь.

Кручинина. Да, это он... Гриша, мой Гриша! Какое счастье! Как хорошо жить на земле. (Гладит Незнамова по голове.) Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь он нашел свою мать и будет еще лучше.

Незнамов (тихо). Мама, а где отец?

Кручинина. Отец... (Оглядываясь кругом.)

Муров отворачивается.

Отец... (Нежно.) Твой отец не стоит того, чтоб его искать. Но я бы желала, чтоб он посмотрел на нас. Только бы посмотрел; а нашим счастьем мы с ним не поделимся. Зачем тебе отец? Ты будешь хорошим актером, у нас есть состояние... А фамилия... Ты возьмешь мою фамилию и можешь носить ее с гордостью; она несколько не хуже всякой другой.

Дудукин. Я думал, что вы умерли!

Без вины виноватые. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Кручинина. От радости не умирают. (Обнимает сына.)
1883

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!